

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
И СОЦИАЛЬНЫЙ СОВЕТ

Distr.
GENERAL

E/CN.4/Sub.2/2001/31
27 June 2001

RUSSIAN
Original: ENGLISH

КОМИССИЯ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
Подкомиссия по поощрению и защите прав человека
Пятьдесят третья сессия
Пункт 6 предварительной повестки дня

ПРОЧИЕ ВОПРОСЫ

Терроризм и права человека

Доклад о ходе работы, подготовленный Специальным докладчиком,
г-жой Каллиоппи К. Куфой

СОДЕРЖАНИЕ

	<u>Пункты</u>	<u>Стр.</u>
Введение.....	1 - 12	3
I. НОВОЕ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ДЕЙСТВИЯХ.....	13 - 23	7
II. ПРОБЛЕМА ВЫРАБОТКИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ.....	24 - 81	10
A. Противоречия, с которыми приходится сталкиваться Подкомиссии	24 - 31	10
B. Вопрос о субъектах, прибегающих к террору или занимающихся терроризмом.....	32 - 70	13
C. Преодоление противоречий: необходимость проведения разграничения между терроризмом и вооруженным конфликтом.....	71 - 81	28

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

	<u>Пункты</u>	<u>Стр.</u>
III. СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ТЕРРОРИЗМА.....	82 - 101	33
A. Оружие массового уничтожения и терроризм	84 - 98	34
B. Терроризм и новые информационные технологии.....	99 - 101	40
IV. ТЕРРОРИЗМ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА	102 - 127	42
A. Прямые последствия	104 - 117	43
B. Косвенные последствия	118 - 120	47
C. Вопрос безнаказанности.....	121 - 124	48
D. Выдача.....	125 - 127	50
V. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.....	128 - 134	51

Введение

1. В своей резолюции 1996/20 от 29 августа 1996 года, принятой без голосования, Подкомиссия по предупреждению дискриминации и защите меньшинств постановила поручить г-же Каллиоппи К. Куфе подготовить без финансовых последствий рабочий документ по вопросу о терроризме и правах человека для рассмотрения на ее сорок девятой сессии.
2. В своей резолюции 1997/42 от 11 апреля 1997 года, озаглавленной "Права человека и терроризм", Комиссия по правам человека, принимая к сведению решение Подкомиссии о подготовке рабочего документа по вопросу о правах человека и терроризме, вновь заявила о своем безоговорочном осуждении всех актов, методов и практики терроризма, независимо от их побудительных мотивов, во всех их формах и проявлениях, где бы и кем бы они ни были совершены, как актов агрессии, направленных на уничтожение прав человека, основных свобод и демократии, которые ставят под угрозу территориальную целостность и безопасность государств, дестабилизируют законно сформированные правительства, подрывают плюралистическое гражданское общество и имеют отрицательные последствия для социально-экономического развития государств, и постановила продолжить рассмотрение в приоритетном порядке данного вопроса на своей пятьдесят четвертой сессии.
3. На сорок девятой сессии Подкомиссии г-жа Куфа представила рабочий документ (E/CN.4/Sub.2/1997/28), в котором затрагиваются различные вопросы и проблемы, связанные с обсуждением этой темы, и содержится ряд предложений по изучению вопроса о терроризме и правах человека. После рассмотрения представленного рабочего документа Подкомиссия приняла резолюцию 1997/39 от 28 августа 1997 года, в которой она выразила свою глубокую признательность г-же Куфе за ее аналитический, всеобъемлющий и хорошо документированный документ, и рекомендовала Комиссии по правам человека одобрить ее назначение в качестве Специального докладчика для проведения всеобъемлющего исследования по вопросу о терроризме и правах человека на основе ее рабочего документа.
4. На своей пятьдесят четвертой сессии Комиссия по правам человека в своем решении 1998/107 от 17 апреля 1998 года одобрила назначение г-жи Куфы Специальным докладчиком и просила Генерального секретаря оказывать Специальному докладчику всю необходимую помощь для выполнения возложенной на нее задачи. В своем решении 1998/278 от 30 июля 1998 года Экономический и Социальный Совет одобрил решение 1998/107 Комиссии по правам человека.

5. Ввиду недостаточности промежутка времени между подтверждением Комиссией ее назначения и крайним сроком представления Подкомиссии документов Специальный докладчик не смогла подготовить предварительный доклад для пятидесятой сессии Подкомиссии. Вместе с тем на этой сессии она сделала устное сообщение, в котором она рассказала об основных элементах своего исследования и высказала свои идеи относительно цели, сферы охвата, источников и структуры предварительного доклада. Проявив интерес к исследованию по вопросу о правах человека и терроризме и к выступлению Специального докладчика, посвященному основам и направленности такого исследования, Подкомиссия приняла резолюцию 1998/29 от 26 августа 1998 года, в которой она просила Специального докладчика представить свой предварительный доклад на ее пятьдесят первой сессии.

6. На своей пятьдесят первой сессии Подкомиссия рассмотрела представленный Специальным докладчиком предварительный доклад (E/CN.4/Sub.2/1999/27), в котором разбирается история вопроса, обстоятельно рассматриваются основные сферы, в которых терроризм угрожает социальным и политическим ценностям, прямо или косвенно связанным с полным осуществлением прав человека и основных свобод, намечаются приоритетные направления деятельности и проблемы, заслуживающие наиболее глубокого изучения на последующих этапах исследования, а также указываются методы, которые надлежит использовать, с тем чтобы дополнить исследование по существу вопроса. В резолюции 1999/26 от 26 августа 1999 года Подкомиссия выразила глубокую признательность и благодарность Специальному докладчику за ее прекрасный и обстоятельный предварительный доклад и просила Генерального секретаря препроводить этот доклад правительствам, специализированным учреждениям и соответствующим межправительственным и неправительственным организациям с просьбой представить Специальному докладчику как можно скорее свои замечания, информацию и данные в отношении исследования по проблеме терроризма и прав человека.

7. В той же резолюции Подкомиссия просила Генерального секретаря оказать Специальному докладчику всю необходимую помощь для подготовки ее доклада о ходе работы, в частности обеспечив Специальному докладчику возможность поездок в Женеву, Нью-Йорк и в Центр Организации Объединенных Наций по предупреждению международной преступности Управления Организации Объединенных Наций по контролю над наркотиками и предупреждению преступности в Вене, в целях проведения консультаций с компетентными службами и органами системы Организации Объединенных Наций, с тем чтобы дополнить ее исследование по существу вопроса и собрать всю необходимую и обновленную информацию и данные. Подкомиссия

рекомендовала Комиссии по правам человека одобрить эту просьбу, обращенную к Генеральному секретарю.

8. На своей пятьдесят четвертой сессии Комиссия по правам человека в своей резолюции 2000/30 от 20 апреля 2000 года, принимая к сведению резолюцию 1999/26, просила Генерального секретаря продолжать собирать из всех соответствующих источников информацию, в том числе подборки исследований и публикаций, о последствиях терроризма, а также о результатах борьбы с терроризмом для осуществления прав человека в полном объеме и передавать ее в распоряжение соответствующих специальных докладчиков, включая Специального докладчика по вопросу о правах человека и терроризме Подкомиссии. Комиссия поддержала просьбу Подкомиссии к Генеральному секретарю оказать Специальному докладчику всю необходимую помощь в целях проведения консультаций с компетентными службами и органами системы Организации Объединенных Наций, с тем чтобы дополнить ее исследование по существу вопроса и собрать всю необходимую и обновленную информацию и данные для подготовки ее доклада о ходе работы. В своем решении 2000/260 от 28 июля 2000 года Экономический и Социальный Совет утвердил эту просьбу к Генеральному секретарю.

9. В своей записке для Подкомиссии на ее пятьдесят второй сессии (E/CN.4/Sub.2/2000/31) секретариат изложил технические причины, по которым Специальному докладчику не удалось завершить составление ее доклада о ходе работы за время, выделенное для подготовки документов к этой сессии. В сделанном ею устном заявлении, в котором разъяснялись причины и факторы задержки, как связанные с существом дела, так и процедурного характера, по которым ей не удалось представить свой доклад о ходе работы на пятьдесят второй сессии, Специальный докладчик просила Подкомиссию позволить ей представить свой доклад о ходе работы на ее пятьдесят третьей сессии. В своем решении 2000/115 от 18 августа 2000 года Подкомиссия просила Специального докладчика представить доклад о ходе работы над ее исследованием на ее пятьдесят третьей сессии.

10. В процессе подготовки этого доклада о ходе работы над вопросом о терроризме и правах человека Специальный докладчик опиралась на соответствующий рабочий документ (E/CN.4/Sub.2/1997/28) и предварительный доклад (E/CN.4/Sub.2/1999/27). Поэтому к изучению настоящего доклада следует подходить с учетом вышеупомянутых документов. Автор доклада не будет вновь разбирать содержание связи между терроризмом и правами человека и останавливаться на международных последствиях более общего характера, ибо эти вопросы уже рассматривались в предварительном докладе. В ее намерение входит двинуться дальше и глубже изучить другие

приоритетные аспекты, затронутые в предшествующих документах, подготовленных Специальным докладчиком, а именно проблему определения и вопрос о субъектах, прибегающих к террору или занимающихся "террористической" деятельностью, эволюцию новых форм терроризма и возможность совершения актов терроризма с применением оружия массового уничтожения и, наконец, ряд вопросов, связанных с последствиями терроризма для прав человека. В докладе также делается попытка осветить новые элементы международных действий по борьбе с терроризмом, предпринимавшихся в последнее время, и уделяется внимание вопросам, поднятым Комиссией по правам человека в ее резолюциях 1999/27 от 26 апреля 1999 года, 2000/30 от 20 апреля 2000 года и 2001/37 от 23 апреля 2001 года.

11. Соответственно настоящий доклад о ходе работы включает пять глав. В первой главе приводится информация, касающаяся эволюции международных действий по борьбе с терроризмом за период со времени представления предварительного доклада. Во второй главе рассматриваются проблемы выработки определения понятия "терроризм" с особым акцентом на субъектах или потенциальных исполнителях террористических актов, а также необходимости проведения разграничения между терроризмом и вооруженным конфликтом. Третья глава посвящена угрозе терроризма с применением оружия массового уничтожения и ведущейся в настоящее время широкой дискуссии о современных формах терроризма. В четвертой главе рассматриваются последствия терроризма для прав человека, причем с учетом высказанных Комиссией пожеланий, чтобы Специальный докладчик уделила внимание вопросам, поднятым в ее резолюциях 1999/27, 2000/30 и 2000/37. В пятой главе содержатся заключительные замечания.

12. Анализ темы, являющейся предметом исследования, ведется в свете норм международного права, включая право прав человека и международное гуманитарное и уголовное право, но не ограничиваясь ими. Терроризм является особой формой преступной деятельности, ибо он сочетает в себе элементы политики и конфликта. Специальным докладчиком были налажены необходимые прямые контакты с Управлением Организации Объединенных Наций по правовым вопросам в Нью-Йорке и Сектором по предупреждению терроризма Управления Организации Объединенных Наций по контролю над наркотиками и предупреждению преступности в Вене. Судя по документам, уже предоставленным в распоряжение Специального докладчика, проведение дальнейшего анализа и консультаций с этими структурами, занимающимися рассмотрением проблемы терроризма как международного явления под различными углами зрения, будет чрезвычайно полезным. Принимая во внимание комплексный и разносторонний характер вопросов, подлежащих рассмотрению в рамках исследования по вопросу о терроризме и правах человека, представляется также необходимым подготовить

второй доклад о ходе работы для его рассмотрения Подкомиссией. Соответствующая рекомендация содержится в заключительной части доклада.

I. НОВОЕ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ДЕЙСТВИЯХ

13. Со времени представления соответствующего рабочего документа и предварительного доклада на международном уровне был предпринят ряд дополнительных шагов по борьбе с терроризмом, которые нельзя обойти вниманием¹.

14. 19 октября 1999 года Совет Безопасности единогласно проголосовал за начало повсеместной общей борьбы с террористами. В своей исторической резолюции 1269 (1999) - первой резолюции такого рода, в которой затрагивается проблема терроризма в целом² - Совет Безопасности, подчеркивая необходимость активизации борьбы с терроризмом на национальном уровне и укрепления под эгидой Организации Объединенных Наций эффективного международного сотрудничества в этой области на основе принципов Устава и норм международного права, включая уважение международного гуманитарного права и прав человека, обратил особое внимание на жизненно важную роль Организации Объединенных Наций в деле укрепления международного сотрудничества по борьбе с терроризмом и подчеркнул важность более широкой координации между государствами, международными и региональными организациями. Он также призвал государства предпринять соответствующие шаги по отказу тем, кто планирует, финансирует и совершает террористические акты, в убежище посредством обеспечения их ареста и судебного преследования или выдачи и по принятию, до предоставления статуса беженца, надлежащих мер согласно соответствующим положениям национального законодательства и международного права, включая международные стандарты в области прав человека, в целях установления того, что лицо, ищущее убежище, не принимало участия в террористических актах.

15. В своей резолюции 54/109 от 9 декабря 1999 года Генеральная Ассамблея приняла Международную конвенцию по борьбе с финансированием терроризма, полный текст которой приводится в приложении к этой резолюции. В своей резолюции 54/110 от 9 декабря 1999 года, озаглавленной "Меры по ликвидации международного терроризма", Генеральная Ассамблея постановила, что Специальный комитет, учрежденный ее резолюцией 51/210 от 17 декабря 1996 года³, будет продолжать разрабатывать проект международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма, рассмотрит вопрос о путях дальнейшего совершенствования всеобъемлющего правового механизма конвенций, посвященных борьбе с международным терроризмом, включая рассмотрение вопроса о разработке всеобъемлющей конвенции о международном терроризме, и рассмотрит вопрос о созыве под эгидой Организации Объединенных Наций конференции высокого

уровня для разработки совместных организованных действий международного сообщества по борьбе с терроризмом во всех его формах и проявлениях. Специальный комитет провел свою сессию 14-18 февраля 2000 года и обсудил все три вопроса⁴. В его докладе находят отражение серьезные расхождения во мнениях в связи как с разработкой проекта документа о борьбе с ядерным терроризмом, так и созывом конференции высокого уровня⁵. Хотя было признано, что вопрос о разработке всеобъемлющей конвенции по борьбе с международным терроризмом Специальным комитетом не рассматривается, было указано, что завершение рассмотрения двух других вопросов облегчит работу над такой конвенцией⁶.

16. В своем докладе по вопросу о правах человека и терроризме, представленном Генеральной Ассамблее на ее пятьдесят четвертой сессии (A/54/439 от 6 октября 1999 года), Генеральный секретарь в виде резюме изложил содержание ответов, полученных от ряда правительств согласно резолюции 52/133 Генеральной Ассамблеи от 12 декабря 1997 года, в отношении последствий терроризма во всех его формах и проявлениях для полной реализации всех прав человека и основных свобод.

17. В своей резолюции 54/164 от 17 декабря 1999 года, озаглавленной "Права человека и терроризм", Генеральная Ассамблея осудила нарушения права на жизнь без страха и права на жизнь, свободу и безопасность, а также разжигание межнациональной ненависти, насилия и терроризма. Она вновь заявила о своем безоговорочном осуждении актов, методов и практики терроризма как направленных на попрание прав человека, основных свобод и демократии, создающих угрозу территориальной целостности и безопасности государства, дестабилизирующих законные правительства, подрывающих плюралистическое гражданское общество и имеющих отрицательные последствия для социально-экономического развития. Она также настоятельно призвала международное сообщество расширять сотрудничество на региональном и международном уровнях в деле борьбы с терроризмом согласно соответствующим международным документам, в том числе касающимся прав человека.

18. В самом последнем докладе Генерального секретаря, озаглавленном "Меры по ликвидации международного терроризма" (A/55/179 от 26 июля 2000 года и A/55/179/Add.1 от 9 октября 2000 года), содержится дополнительная информация, полученная от правительств и международных организаций в свете резолюции 49/60 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1994 года, приводится перечень 19 существующих международных конвенций (глобальных и региональных), касающихся международного терроризма⁷, и освещаются успехи в деле подготовки свода национальных законов и подзаконных актов, касающихся предупреждения и пресечения международного

терроризма. В докладе также приводится таблица, показывающая состояние дел с присоединением государств к этим 19 конвенциям или их ратификацией.

19. В своей резолюции 55/2 от 8 сентября 2000 года Генеральная Ассамблея приняла Декларацию тысячелетия Организации Объединенных Наций, в пункте 9 которой заявляется решимость "предпринять согласованные действия по борьбе против международного терроризма и присоединиться... ко всем соответствующим международным конвенциям". 12 декабря 2000 года Генеральная Ассамблея приняла резолюцию 55/158, озаглавленную "Меры по ликвидации международного терроризма", в которой она постановила, что ее Специальный комитет по вопросам международного терроризма будет продолжать разрабатывать всеобъемлющую конвенцию о международном терроризме и предпринимать усилия в целях решения сохраняющихся вопросов, касающихся разработки проекта международной конвенции по борьбе с актами международного терроризма, и что он сохранит в своей повестке дня вопрос о созыве конференции высокого уровня по проблемам терроризма. Специальный комитет провел сессию 12-23 февраля 2001 года и продолжил свою работу над вышеупомянутыми вопросами, опираясь на результаты работы, проделанной в ходе пятьдесят пятой сессии Генеральной Ассамблеи в рамках одной из рабочих групп Шестого комитета⁸.

20. 16 марта 2000 года Европейский парламент упомянул проблему терроризма в своей резолюции по вопросу об уважении прав человека в Европейском союзе⁹. В этой резолюции он "вновь подтверждает, что терроризм представляет собой одно из нарушений прав человека" и подчеркивает важное значение сотрудничества между государствами в деле борьбы с ним, а также необходимость предоставления соответствующего возмещения жертвам терроризма "в соответствии с руководящими принципами сообщения Комиссии о жертвах преступлений на территории Европейского союза"¹⁰.

21. В апреле 2000 года участники тринадцатой Конференции на уровне министров Движения неприсоединившихся стран вновь подтвердили занимаемую ими позицию в отношении терроризма, а также выдвинутую ими в 1998 году инициативу с призывом провести международную конференцию на высшем уровне под эгидой Организации Объединенных Наций¹¹.

22. Организация Исламская конференция (ОИК) также занимается рассмотрением проблемы терроризма. На двадцать шестой сессии Конференции министров иностранных дел исламских государств, состоявшейся 28 июня - 1 июля 1999 года в Уагадугу (Буркина-Фасо), была принята Конвенция Организации Исламская конференция о борьбе с международным терроризмом¹². На своей девятой Конференции на высшем уровне

(Катар, 2000 год) страны - члены ОИК вновь высказались в поддержку проведения международной конференции высокого уровня по проблеме терроризма и снова подчеркнули обеспокоенность ОИК по поводу того, что существует необходимость в проведении четкого различия между терроризмом и борьбой народа за "национальное освобождение... и избавление от иностранной оккупации и колониального господства, а также за обретение вновь права на самоопределение"¹³. В своей резолюции № 65/9 - P(IS) девятая Конференция на высшем уровне одобрила Конвенцию ОИК о борьбе с международным терроризмом, а в своей резолюции № 64/9 - P(IS) вновь высказалась в поддержку созыва под эгидой Организации Объединенных Наций международной конференции для выработки определения терроризма.

23. Наконец, на тридцать пятой очередной сессии Ассамблеи глав государств и правительств, состоявшейся в июле 1999 года в Алжире, Организация африканского единства (ОАЕ) приняла Конвенцию ОАЕ о предупреждении терроризма и борьбе с ним, а 4 июня 1999 года в Минске был подписан Договор о сотрудничестве в борьбе с терроризмом между государствами - членами Содружества Независимых Государств.

II. ПРОБЛЕМА ВЫРАБОТКИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

A. Противоречия, с которыми приходится сталкиваться Подкомиссии

24. Как указывалось в рабочем документе и предварительном докладе Специального докладчика, по ее мнению, в современных условиях проблема терроризма относится к числу наиболее противоречивых международно-правовых и политических вопросов. Это стало очевидным с 1937 года, когда потерпели фиаско согласованные международные усилия по промульгации международной Конвенции о предупреждении терроризма и наказании за него, принятой под эгидой Лиги Наций. Со времени неудавшихся усилий 1937 года международное сообщество так и не избрало всеобъемлющего подхода к проблеме терроризма, предпринимая лишь разовые действия по каждому конкретному преступлению/каждому конкретному аспекту. Таким образом, рассмотрение противоречивой проблемы терроризма велось под столь разными углами зрения и в столь различных контекстах, что международному сообществу до сих пор не удалось выработать общепринятого определения¹⁴. В то же время существует огромное количество определений и рабочих вариантов, предложенных учеными и экспертами¹⁵, которые, как правило, являются либо слишком общими и широкими, чтобы не упустить какого-либо возможного толкования терроризма, либо слишком ограниченными и узкими, ориентированными в конечном итоге на конкретные террористические акты и исключающими широкие толкования.

25. Действительно, проблема с определением является, возможно, основным фактором, обуславливающим противоречивость подходов к терроризму, особенно если учесть серьезные политические последствия, с которыми связана задача выработки определения, тем более что термин "терроризм" имеет эмоциональную окраску и несет большую политическую нагрузку¹⁶. Обычно в него подсознательно вкладывается негативный смысл и он используется избирательно. В этой связи некоторые авторы не преминули подметить наблюдаемую среди специалистов в этой области тенденцию смешивать определения с воззрениями и либо квалифицировать в качестве терроризма насильственные действия или агрессивное поведение, против которых они выступают, либо, напротив, отказываться от использования данного термина применительно к тем видам деятельности и тем ситуациям, которые они одобряют¹⁷. Отсюда знаменитая фраза "для одного - террорист, а для другого - борец за свободу".

26. Памятуя об этих проблемах, Специальный докладчик указала, что ввиду сложности и масштабности аспекта терроризма, касающегося прав человека, было бы преждевременно и вредно пытаться дать определение до того, как Подкомиссия решит, какие вопросы, по ее мнению, заслуживают изучения¹⁸, и что цель нахождения всеобъемлющего и общеприемлемого определения понятия "терроризм" является слишком амбициозной¹⁹. Однако, как указала также Специальный докладчик, она склоняется к мысли о том, что в будущих докладах ей, возможно, потребуется изучить некоторые рабочие определения с целью более точного разграничения рассматриваемой темы, и в частности определения ее основных аспектов и ее возможной связи с вопросом об ответственности²⁰.

27. И здесь важно отметить, что мнения членов Подкомиссии относительно того, следует ли предпринимать в рамках исследования попытку дать определение понятия "терроризм", расходятся. Анализ прений на сорок девятой и пятьдесят первой сессиях Подкомиссии свидетельствует о том, что входящие в ее состав эксперты занимают по данному вопросу следующие позиции. Хотя, как считает г-н А. Халил, на настоящем этапе любая попытка выработать определение понятия "терроризм" представляется иллюзорной и бесплодной²¹, а г-н Ф. Йимер согласился со Специальным докладчиком в том, что было бы преждевременно и вредно пытаться дать определение до того, как Подкомиссия решит, какие вопросы, по ее мнению, заслуживают изучения²², г-н Л. Жуане указал, что определение понятия "терроризм" целесообразнее вообще не давать²³. По мнению г-н Э. А. Гиссе, выработка любого общепризнанного определения диктует необходимость более глубокого изучения и обстоятельного обсуждения, причем не исключена возможность, что такое определение найдено не будет²⁴. По убеждению г-на Э. Фикса Самудио, представляется возможным, хотя и сложным, изыскать такую концепцию терроризма, которая могла бы послужить в качестве рабочей гипотезы, как это

произошло в случае понятий "коренное население" и "меньшинства"²⁵, а г-н М. Боссайт выразил надежду на то, что Специальный докладчик преуспеет в деле выработки определения, которое по крайней мере встретит одобрение со стороны Подкомиссии²⁶.

28. Следует также отметить существующие между членами Подкомиссии расхождения во мнениях и по некоторым ключевым аспектам или ключевым элементам определения, как, например, исполнители террористических актов (кто прибегает к использованию терроризма? Или кого можно отнести к субъектам, занимающимся террористической деятельностью?) и характер соответствующих актов (какие именно преступления или какого рода акты можно квалифицировать как терроризм?). В этой связи надлежит напомнить, что в ходе обсуждений в Подкомиссии некоторые входящие в нее эксперты увязывали проблемы выработку определения понятия "международный терроризм" с решением вопроса об исполнителях соответствующих актов, будь то государственные или негосударственные субъекты, тогда как другие делали акцент на составе преступления и на необходимости конкретно перечислить акты, которые могут рассматриваться как террористические.

29. Так, например, некоторые члены утверждали о необходимости рассмотрения вопроса о государственном терроризме²⁷ или терроризме, который поощряется государствами или которому государства попустительствуют, и о терроризме, обусловленном деятельностью нерегулярных вооруженных группировок и других групп и организаций²⁸. Указывалось также, что в рамках исследования надлежит предпринять попытку дать определение различных форм терроризма²⁹ и разграничить акты терроризма в зависимости от того, кто несет за них ответственность - государства или же группы и государства³⁰. Другие члены указывали на то, что соответствующие критерии для целей определения террористических актов уже существуют³¹, что в конкретном плане необходимо квалифицировать определенные виды действий как преступные или составить перечень серьезных преступлений, исходя из состава таких преступлений и, возможно, характера и масштабов их прямых последствий³², и что надлежит рассмотреть конкретные примеры террористических актов³³, тогда как один член указал на необходимость проведения в связи с выработкой определения обстоятельного анализа всех аспектов, причем касающихся не только самого акта (его характера и особенностей), но и исполнителя (связанные с правительственными кругами элементы и негосударственные субъекты, действующие внутри страны и за ее пределами), а также цели террористической деятельности³⁴.

30. Специальный докладчик последовательно придерживается той позиции, что в рамках исследования нет необходимости использовать какое-либо четкое и/или общепризнанное определение терроризма и что в любом случае не следует еще

оперировать каким-либо определением. Однако при этом не нужно уклоняться от концептуального анализа терроризма и от тщательного изучения составляющих его элементов и его проявлений в порядке выявления и сведения воедино основных компонентов и критериев определения, которые в конечном итоге могли бы послужить для Подкомиссии ориентиром в деле продвижения вперед или формулирования определения терроризма для целей проводимого исследования и до его завершения.

31. Поскольку настоящий документ является докладом о ходе работы, на данном этапе представляется более важным продолжить обсуждение вопросов на предмет поступления от членов Подкомиссии, наблюдателей и неправительственных организаций дополнительных замечаний, а не добиваться получения на них окончательных ответов. В этом отношении Специальный докладчик также разделяет мысль, высказанную ранее другим экспертом Подкомиссии, который, со ссылкой на бытующие в рамках Подкомиссии самые различные толкования, определил ее задачу следующим образом: "отсеять лишнее и провести обсуждение, чтобы мнения могли быть приведены к общему знаменателю"³⁵.

В. Вопрос о субъектах, прибегающих к террору или занимающихся терроризмом

1. Введение

32. Одна из основных причин, объясняющих неспособность прийти к общеприемлемому определению терроризма, заключается в том, что сторонники различных толкований практически целиком акцентируют внимание на факторе поведения (т.е. на определенном образе или характере действий и связанных с ними последствиях), при этом четко не оговаривая, кто может прибегать к терроризму. К тому же термин "терроризм" почти всегда имеет определенную (субъективную) нравственную окраску: отдельные формы политического насилия находят оправдание, тогда как другие - нет. Один и тот же образ действий или характер поведения будет либо, напротив, не будет рассматриваться тем или иным конкретным наблюдателем в качестве терроризма в зависимости от его моральной подоплеки или от приписываемых ему оправдывающих обстоятельств. Поэтому не исключено, что при квалификации того или иного конкретного акта как "террористического" на первый план выходит общественное мнение, а не учет комплекса явлений³⁶. Как следствие, описательное (объективное) определение терроризма с акцентом на определенном образе действий и его последствиях, в рамках которого не принимается во внимание личность субъекта или исполнителя, хотя оно и может найти практическое применение, все же не является совершенно точным и абсолютно удовлетворительным в плане охвата и пояснения такого комплексного явления,

сочетающего в себе самые различные побудительные причины и политические факторы, как терроризм.

33. Вышеуказанное наглядно подтверждается самой практикой работы органов системы Организации Объединенных Наций, где серьезным камнем преткновения на пути усилий по выработке определения терроризма является вопрос о том, кого можно назвать и отнести к "террористам". Как явствует из анализа мер, предпринимавшихся Генеральной Ассамблеей и Комиссией, а также отчетов об обсуждениях, проведенных в рамках этих органов и различных специальных комитетов по проблеме терроризма, созданных Генеральной Ассамблеей³⁷ в процессе работы над данным вопросом, был достигнут определенный консенсус в отношении отдельных элементов поведения, подпадающего под понятие "терроризм", но не в отношении того, кто может прибегать к использованию терроризма, или - иными словами - кто может являться потенциальным исполнителем террористических актов.

34. Поэтому при рассмотрении альтернативных подходов к определению представляется целесообразным не стремиться к конкретизации на настоящем этапе образа или характера действий, которые должны охватываться понятием "терроризм", а попытаться подойти к концепции терроризма со ссылкой на исполнителей или подстрекателей в тех случаях, которые как в научных кругах, так и в обиходе воспринимаются и трактуются (или характеризуются) как "терроризм". Преимущество такого подхода заключается в том, что он ориентирован на уменьшение имеющихся противоречий или по крайней мере на их сглаживание за счет их четкого выявления и возможного объяснения их природы.

35. Данный подход предполагает анализ основного различия между государственным терроризмом и субгосударственным или индивидуальным терроризмом, а также уяснение многообразных проявлений как государственного, так и субгосударственного или индивидуального терроризма. По мнению Специального докладчика, проведение такого различия и классификация вышеуказанных типов терроризма не только имеют важное и актуальное значение для настоящего исследования, но и представляются подходящим основанием для запрашивания ориентиров в отношении возможной желательности вынесения за рамки исследования какой-либо категории или формы терроризма. В свою очередь, такие ориентиры помогут Специальному докладчику более четко определиться со сферой охвата исследования, в том что касается террористических актов и целей терроризма.

2. Государственный и субгосударственный (или индивидуальный) терроризм

36. При рассмотрении понятия "терроризм" со ссылкой на потенциальных исполнителей или подстрекателей в ситуациях, которые как в научных кругах, так и в обиходе рассматриваются как террор или терроризм, необходимо проводить основное различие между государственным терроризмом (т.е. терроризмом, к которому прибегает государство) и субгосударственным (или индивидуальным) терроризмом (т.е. терроризмом, который направлен "снизу"³⁸ или против государства). Это основное различие между государственным и субгосударственным (или индивидуальным) терроризмом является ныне общепризнанной составной частью дискуссий по проблеме терроризма, несмотря на то, что некоторые специалисты предпочитают акцентировать внимание на государственном терроризме, а другие - на субгосударственном (или индивидуальном) терроризме. Более того, в проведении такого различия имеется свое рациональное зерно, ибо оно позволяет охватить не только исторические корни современного терроризма³⁹ и те эволюционные изменения, которые данное понятие претерпело со времени его первого введения в обиход⁴⁰, но и нынешние концепции международного терроризма, что будет более обстоятельно рассмотрено ниже⁴¹.

37. В сущности, концепция государственного терроризма или государственного террора уходит корнями в понятие "régime de la terreur" (режим террора), которое оформилось во время французской революции, а именно в период 1792-1794 годов, когда революционное правительство умышленно и систематически прибегало к насилию на базе террора в качестве инструмента политических репрессий и социального контроля. При Робеспьере французское правительство отреагировало на внешние и внутренние кризисные условия (т.е. угрозу иностранного вторжения, гражданскую войну, серьезные экономические неурядицы, контрреволюцию и возможность полной дискредитации государственной власти) созданием такой государственной машины и введением такого законодательства, которые сделали возможным (якобинский) "террор", т.е. проведение политики, направленной на безжалостное подавление подозреваемых врагов с использованием таких методов, как аресты, заключение в тюрьму, конфискация имущества, пытки и казни, причем широкое распространение в качестве средства укрепления государственной власти получили запугивания и создание обстановки страха⁴².

38. Концепция же субгосударственного (или индивидуального) терроризма зародилась почти век спустя, в период 1878-1881 годов, и со временем эта форма терроризма оформилась как явление - сперва в царской России, а затем распространилась по Европе и в Соединенных Штатах. Данная концепция предполагала использование индивидуальными лицами и отдельными группами тактики антигосударственного

террора, навешанной и проповедуемой идеологией и всей системой принципов анархизма, не признающего институт государства, любые государственные законы и частную собственность. Акты насилия и запугивания (например, убийства - причем в первую очередь руководителей государства, министров и других государственных чиновников, а также видных политических деятелей или предпринимателей, - взрывы бомб, акты саботажа и ограбления), совершаемые индивидуальными лицами и группами, которые, терроризируя государство и общество, пытались силой насадить свои политические взгляды, с тем чтобы добиться революционного всплеска масс и побудить к социальным и политическим изменениям, имели широкий резонанс и в итоге стали заметным явлением в жизни многих стран⁴³.

39. В XX столетии как концепция государственного терроризма, так и концепция субгосударственного (или индивидуального) терроризма получили серьезное развитие и претерпели существенную эволюцию, поскольку социальные преобразования и технологические новшества наложили явный отпечаток на характер террористических операций, тактику их проведения, их эффективность, а также на саму "теорию" терроризма⁴⁴.

40. В частности, распространение идеологического насилия и раскол или распад существующих социально-политических структур, с одной стороны, и достижения в области средств передвижения, связи и систем оружия - с другой, облегчили процесс оформления транснационального и международного терроризма. Повысилась мобильность, установились отношения сотрудничества и были налажены контакты не только между исполнителями террористических актов из числа негосударственных субъектов, действующих в самых различных политических, этнических и географических контекстах, но и между государственными и негосударственными субъектами, а проявления как государственного, так и субгосударственного (или индивидуального) терроризма стали более многочисленными и многообразными. Кроме того, постепенно стирается грань между терроризмом и организованной преступностью, а цели террористической деятельности становятся все менее конкретными.

41. Однако несмотря на постоянное увеличение числа и эволюционирование структурных и стилистических переменных, складывающихся в наши дни в понятие "терроризм", проведение различия между такими двумя концепциями, как государственный и субгосударственный (или индивидуальный) терроризм, в полной мере сохраняет свою актуальность и совершенно уместно для целей анализа и помогает глубже уяснить природу двух разноплановых аспектов - т.е. государственный и антигосударственный, - присущих явлению терроризма. Как бы то ни было, совершенно

очевидно, что практически все современные формы терроризма проистекают именно из этих двух различных составляющих или слагаемых данного явления.

3. Проявления государственного терроризма

а) Террор, насаждаемый правящим режимом или правительством

42. Государство прибегает к использованию терроризма в различных его проявлениях. В первую очередь речь идет о так называемом "терроре", насаждаемом правящим режимом или правительством; т.е. о традиционном типе или традиционной форме государственного терроризма, проводимого государственными органами против собственного народа или населения какой-либо оккупированной территории в целях сохранения существующего режима или пресечения посягательств на него⁴⁵. К числу наиболее широко известных исторических примеров этого типа государственного терроризма относятся вышеупомянутые "царствование террора" во Франции при Робеспьере⁴⁶, зверства сталинского режима в Советском Союзе в период 1929-1946 годов⁴⁷, а также нацистский государственный террор в Германии при Гитлере, который вылился в политику геноцида против евреев и цыган и массовое истребление славянских народов в период 1933-1945 годов⁴⁸. Если же говорить о примерах последнего времени, то здесь следует упомянуть о царстве террора в Уганде при пожизненном президенте Иди Амине Дада с 1971 по 1979 год⁴⁹, о власти террора в Камбодже при Пол Поте в период 1975-1979 годов⁵⁰, а также о пресловутой "грязной войне" против "подрывных элементов" и практике "исчезновений", применявшейся аргентинской военной хунтой в период 1976-1983 годов⁵¹.

43. Для государственного терроризма в форме "террора, насаждаемого правящим режимом или правительством", характерным является следующее: такие действия, как, например, похищение и убийство полицией, секретными службами, силами безопасности или военнослужащими оппозиционному правительству политических деятелей; практика тюремного заключения без суда и следствия; преследование инакомыслящих и применение пыток; массовое истребление расовых или религиозных меньшинств или представителей определенных социальных классов; создание системы концентрационных лагерей для собственных граждан; а также в целом господство страха. Совершенно очевидно, что практически все диктаторы и диктаторские, тоталитарные и милитаристские режимы, равно как и самодержавные режимы старого толка, прибегали к такой форме государственного терроризма, который, в сущности, представляет собой грубое злоупотребление государственной властью, будь то в собственной стране или на оккупированной территории.

44. Совершенно очевидно и то, что демократические правительства также могут прибегать к такой форме государственного терроризма в "чрезвычайных ситуациях", в условиях внутреннего конфликта или гражданской войны, когда принятие в ответ на угрозу терроризма чрезмерно суровых мер и возведение в культ тактики противодействия терроризму могут повлечь за собой ущемление свободы личности, увеличение числа потенциальных нарушений прав человека со стороны правительства и, в целом, насаждение "террора сверху"⁵², при котором никто уже не сможет оградить народ от запугивания и репрессий.

45. Следовательно, государственный терроризм в контексте "террора, насаждаемого правящим режимом или правительством", носит характер глобального явления, не присущего какой-либо конкретной идеологии или какому-либо определенному району. Этот тип бюрократизированного террора, даже при попытке его скрытного применения, сопряжен с запугиванием, ущемлением прав и притеснением целых групп, а подчас и целых народов, и он представляет ту разновидность терроризма, которая исторически, да и по сей день, причиняет наибольший вред⁵³.

46. Еще одним аспектом, заслуживающим особого упоминания, является роль закона в деле мотивирования и оправдания "террора, насаждаемого правящим режимом или правительством". По сути дела, такой террор осуществляется в рамках законов, которые государственная власть сама же и устанавливает. Иными словами, проведение государством политики принуждения и насилия на базе террора против собственного народа, какой-либо его части или населения оккупированной территории, как правило, предполагает задействование положений национального или внутригосударственного законодательства. Соответственно практикующие терроризм официальные режимы заявляют о законности своих действий, обосновывая такие притязания национальным или внутригосударственным законодательством. Однако в связи с тем же самым законодательством неизбежно встает и сложный вопрос о законности власти и о законности оказания сопротивления угнетению⁵⁴. Тем самым замыкается порочный круг террористических действий и противодействий, когда каждая сторона имеет основания считать свои интересы ущемленными; иными словами, замыкается в круг государственный и антигосударственный терроризм⁵⁵.

47. Следует также отметить, что террор государства против своего собственного народа как правило не укладывается в понятие "международный" терроризм⁵⁶, а посему он не подпадает напрямую под действие норм международного права. Однако прекрасно известно и то, что в условиях все более широкого и активного вовлечения Организации Объединенных Наций в вопросы прав человека подход государства к обращению со своими гражданами рассматривается отныне в контексте международных норм в области

прав человека. Принцип внутренней компетенции, который находит отражение в пункте 7 статьи 2 Устава⁵⁷, постепенно утрачивает свою четкость, поскольку обеспокоенности гуманитарного характера начинают превалировать над уважением права государства вести по своему усмотрению свои дела, так что вопросы прав человека уже не считаются больше входящими исключительно во внутреннюю компетенцию государств. Соответственно с 1945 года наметился процесс пересмотра подхода к такому основополагающему обязательству, как невмешательство во внутренние дела государств, с тем чтобы последние не могли больше успешно апеллировать к нему как к правовому запрету на выражение международным сообществом своей обеспокоенности по поводу положения с правами человека в различных странах и на его международное рассмотрение⁵⁸.

48. Дальнейшему ускорению процесса такой эволюции способствовало установление для государств множества новых обязательств, касающихся прав человека, причем за счет расширения числа не только международно-правовых норм в области прав человека, но и норм международного гуманитарного и уголовного права. Так, например, принятие целого ряда международных и региональных договоров по правам человека, закрепляющих соответствующие стандарты и нормы, ограничило свободу действий государства в этой сфере и положило начало поступательному процессу создания все новых институциональных механизмов, призванных заниматься нарушениями прав человека⁵⁹. Договорные положения, которыми запрещается, например, применение пыток, геноцид, рабство и закрепляется принцип недискриминации, отныне могут квалифицироваться как нормы обычного международного права, тогда как другие договорные положения, касающиеся прав человека, можно рассматривать в качестве возлагаемых на государства-участники обязательств *erga omnes*⁶⁰.

49. В условиях вооруженного конфликта нормами как обычного, так и гуманитарного права осуждается политика государственного терроризма, проводимая в нарушение соответствующих положений Женевских конвенций от 12 августа 1949 года, касающихся защиты жертв вооруженных конфликтов, и Дополнительных протоколов к ним от 8 июня 1977 года. В особенности это касается несоблюдения норм международного гуманитарного права, предусматривающих защиту гражданского населения, а также раненых и военнопленных⁶¹.

50. В этой связи вполне обоснованным является утверждение о том, что в мирное время государственный террор или террор, насаждаемый правительством, сопряжен главным образом с проблемами прав человека, тогда как в условиях войны на передний план выходят уже проблемы, относящиеся к компетенции гуманитарного права⁶². Вместе с тем убедительно звучит и тот тезис, что надлежит в равной мере учитывать

основополагающие принципы международного права, признанные Статутом Нюрнбергского трибунала ("Нюрнбергскими принципами"), поскольку они также касаются террористических актов, совершаемых в мирное и военное время⁶³. В этом отношении ценной является также судебная практика учрежденных в недавнем прошлом международных уголовных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде⁶⁴.

b) Терроризм, направляемый государством

51. Основным фактором, который нужно учитывать при анализе причин, по которым терроризм получил столь крупный международный размах, является заметное расширение масштабов вовлечения государств в террористическую деятельность в порядке достижения своих ближайших внешнеполитических целей. Так, в последние годы как в политических, так и научных кругах концепция государственного терроризма получила более широкое толкование за счет включения в это понятие любой формы явной или скрытой поддержки или помощи, оказываемой террористам тем или иным государством в целях подрыва или дестабилизации другого государства или его правительства.

52. О терроризме, направляемом государством, можно говорить всякий раз, когда какое-либо правительство планирует проведение террористических операций в другой стране, оказывает помощь в их проведении, дает соответствующие директивные указания и руководит такими операциями. Указанные виды деятельности могут осуществляться частными лицами или через государственных должностных лиц⁶⁵. Как следует из самого названия, "терроризм, направляемый государством", как правило, предполагает террористическую деятельность против некоего государства, которая "направляется" другим государством⁶⁶. При этом последнее как бы дистанцируется от террористической деятельности, ибо оно легко может отрицать любую причастность к ней. Классическим примером является поддержка правительством Южной Африки в 80-е годы повстанцев в Мозамбике и Анголе⁶⁷. В то же время менее сильные в военном отношении государства подчас прибегают к такой поддержке как к действенному методу нанесения урона противникам, превосходящим их по военной мощи⁶⁸.

53. Государственный терроризм может принимать самые различные формы: от морального поощрения и дипломатической поддержки до оказания материальной помощи в виде поставок оружия и прочего снаряжения, подготовки кадров, выделения средств и предоставления убежища террористам, прямо или косвенно подконтрольным поддерживающему терроризм государству. Государствам же, оказывающимся объектом такой формы терроризма, зачастую весьма трудно найти нить, связывающую террористов и поддерживающие их государства, и таким образом установить ответственность последних. Как отмечает один из видных специалистов, данный тип терроризма

характеризуется "невообразимо сложным переплетением взаимосвязей, интриг, общих интересов и их коллизий, включая явные и скрытые выходы на иностранные правительства, которые предпочитают оставаться в тени"⁶⁹.

54. То, что понятием "терроризм, направляемый государством" охватываются столь многообразные сюжеты, побудил отдельных специалистов провести дальнейшее разграничение между "направляемым государством терроризмом" и "государственной поддержкой терроризма", причем последняя предполагает меньшую степень причастности государства и не столь прямой контроль над террористами. Так, согласно проводимому различию, о "направляемом государством терроризме" речь шла бы в тех ситуациях, когда государство активно способствует планированию террористических операций, дает прямые директивные указания и руководит такими операциями, так как понятием "государственная поддержка" охватывались бы такие случаи, как молчаливая поддержка, предоставление транспортных средств, разрешение использовать свою территорию и финансовая поддержка террористов⁷⁰. Однако на практике, что легко себе представить, грань между "направляемым государством терроризмом" и "поддерживаемым государством терроризмом" может оказаться размытой. К тому же, поскольку эти термины не имеют четкого правового содержания, возникают серьезные разногласия по поводу того, понимается ли под направляемым государством терроризмом поддержка международного терроризма или же прямое участие в нем, какие при этом преследуются стратегические, внутривнутриполитические или внешнеполитические цели, какие государства прибегают к направлению деятельности террористических групп или оказанию на них влияния и по каким критериям оценивать косвенные доказательства причастности государства⁷¹.

55. Следует также отметить, что терроризм, направляемый государством, является не новым или присущим исключительно современной международной жизни явлением. В древние времена он активно практиковался в империях Востока, в Риме и Византии, в Азии и Европе, а новая история изобилует бесчисленным числом соответствующих примеров⁷². Так, в конце XIX столетия Россия оказывала поддержку действовавшим на Балканах революционным группам, стремившимся к созданию славянских государств. В ходе первой мировой войны Германия снабжала оружием ирландских националистов, боровшихся против британского правления. В XX веке за террористическими группами стояло уже множество государств⁷³. Однако все более пристальное внимание этой форме государственного терроризма международное сообщество начало уделять лишь с середины 70-х годов, когда американские исследователи впервые заговорили о ней как о "суррогатной войне" и выдвинули предположение, что в данном случае речь идет о последовательной программе, проводимой различными странами коммунистического блока и арабскими государствами⁷⁴.

56. Как представляется, среди экспертов в этой области все более широкое признание получает мысль о том, что в эпоху ядерных стратегий и современных технологий терроризм, направляемый государством, наряду с другими формами нетрадиционной и "косвенной войны"⁷⁵, становится особенно привлекательным приемом ведения войны с малой интенсивностью боевых действий, позволяя тому или иному государству без крупных затрат наносить по противникам скрытные и болезненные удары, гораздо менее рискованные в военном отношении по сравнению с обычным вооруженным конфликтом, от которых к тому же легко отмежеваться⁷⁶.

57. По словам одного из специалистов по проблеме терроризма, "государственное вмешательство в форме направления терроризма можно квалифицировать как развязывание тайной или необъявленной войны против неприятельского государства... Ввиду опасности военной эскалации в современном мире высоких технологий эта форма конфликта малой интенсивности приобретает все более широкое распространение"⁷⁷. Другие же специалисты предостерегают от приравнивания терроризма к боевым действиям и, в частности, от трактовки терроризма, направляемого государством, как войны с малой интенсивностью боевых действий или даже как "суррогатной войны", за которой стоят потенциальные интересы государств, утверждая, что такая трактовка дает извращенное представление о самой природе терроризма, направляемого государством, который нельзя свести к единичному явлению или какому-либо одному типу конфликта⁷⁸. Следуя той же логике, можно с полным основанием говорить о том, что проведение знака равенства между терроризмом, направляемым государством, и войной с малой интенсивностью боевых действий влечет за собой разбор и оценку военных проблем и принятие военных же решений и, следовательно, сопровождается несоразмерным приведением силы и политикой интервенционизма, что может привести к дальнейшей дестабилизации обстановки и эскалации терроризма⁷⁹.

58. Совершенно бесспорно, что, как и в случае с внутригосударственным терроризмом, квалификация какого-либо акта как акта терроризма, направляемого государством, в значительной мере зависит от политических воззрений того, кто бросает такое обвинение. При этом границы понятия "терроризм, направляемый государством", зачастую произвольно раздвигаются за счет охвата практически любого акта насилия или любой угрозы насилием или, наоборот, сужаются, с рефреном, до только таких актов, исполнители или цели которых не угодны стороне, наклеивающей такой ярлык. Как пишет один из авторитетных специалистов по проблеме терроризма, "любой акт, совершенный государством противника, сразу же будет осужден как терроризм, направляемый государством, в то время как аналогичный акт, совершенный союзником (или своей собственной страной), будет трактоваться несколько иначе, ему будет найдено

оправдание, или же он просто останется без комментариев"⁸⁰. Такой пропагандистский и явно политизированный подход к использованию концепции терроризма, направляемого государством, не только усугубляет и без того существующие общие разногласия (всплывающие как случайно, так и создаваемые умышленно) по поводу четкого правового содержания терминов и понятий, касающихся терроризма, но и приводит к тому, что целый ряд государств оказывается причисленным к пособникам терроризма, причем даже без веских на то оснований или при отсутствии явных доказательств. С другой стороны, соображения и факторы политического и экономического характера, а также реалии международных отношений зачастую служат причинами, объясняющими крайнее нежелание государств называть других пособниками терроризма, причем даже в тех случаях, когда имеются явные и веские доказательства.

59. Такая мораль "двойных стандартов" и сопутствующая ей предвзятость отношения, позволяющие государствам выискивать государство-спонсор, якобы стоящего практически за всеми актами терроризма, бьющими по их интересам, при том, что сами они не желают усматривать в помощи, оказываемой ими репрессивным режимам или революционным движениям в других частях мира, даже отдаленного сходства с подобной практикой, препятствуют проведению объективного анализа и уяснению характера взаимосвязи между терроризмом, направляемым государством, и другими формами, которые может принимать конфликт между государствами. Они также приводят к ошибочным оценкам той угрозы, которую терроризм, направляемый государством, представляет как для внутригосударственного общественного устройства, так и международного сообщества, и зачастую порождают неоправданно жесткую реакцию и ответный террор⁸¹, усиливая тем самым террористическую направленность внешнеполитических курсов определенных стран и подрывая и без того уязвимые международные демократические институты или нарушая баланс международных отношений⁸².

60. Поэтому едва ли нужно говорить о том, что терроризм, направляемый государством, порождает множество серьезных и сложных проблем в связи с различными аспектами, регулируемые международным правом, или областями международного права, как-то: правовые нормы, применимые к вооруженным конфликтам, и гуманитарное право, правовая ответственность и правовые санкции, включая право на законную самооборону. Совершенно очевидно, что здесь не место подробно разбирать эти вопросы, равно как не место останавливаться на рассмотрении тактики и мер противодействия терроризму, направляемому государством⁸³. Для целей настоящего исследования вполне достаточно акцентировать внимание на положении, свидетельствующем о неприятии любой разновидности такого терроризма, которое содержится в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между

государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, принятой Генеральной Ассамблеей в ее резолюции 2625 (XXV) от 24 октября 1970 года - документе, где дается авторитетное толкование широких принципов международного права, закрепленных в Уставе, и который знаменует собой крупный шаг вперед в деле развития норм международного права, касающихся международного терроризма⁸⁴.

61. Это - важный международный документ, в принципе 1 которого (где содержится запрет на применение силы в международных отношениях) закрепляется обязанность каждого государства "воздерживаться от организации или поощрения организации регулярных сил или вооруженных банд, в том числе наемников, для вторжения на территорию другого государства" и, далее, обязанность каждого государства воздерживаться от "организации, подстрекательства, оказания помощи или участия в актах гражданской войны или террористических актах в другом государстве или от потворствования организационной деятельности в пределах своей территории, направленной на совершение таких актов". Кроме того, согласно принципу 3 (где содержится запрет на иностранное вмешательство), "ни одно государство не должно организовывать, разжигать, финансировать, подстрекать или допускать подрывную, террористическую или вооруженную деятельность, направленную на насильственное свержение строя другого государства, равно как и способствовать ей, а также вмешиваться во внутреннюю борьбу в другом государстве"⁸⁵.

с) Международный государственный терроризм

62. Хотя концепция государственного терроризма, как правило, применяется для обозначения террора, насаждаемого правящим режимом или правительством внутри страны или на оккупированной территории (о чем шла речь в разделе а) выше), или нынешнего международного политического терроризма, направляемого или поддерживаемого государством (как пояснялось в разделе b) выше), для целей полноты изложения необходимо отметить даже более широкий подход к данной концепции, который зачастую используется специалистами в области международных отношений и находит отражение в дискуссиях, ведущихся в рамках Организации Объединенных Наций. При таком подходе границы понятия "государственный терроризм" не просто расширяются до международных масштабов, но захватывают даже - и это можно понимать буквально - случаи применения силы в международных отношениях⁸⁶.

63. Таким образом, исходя из той посылки, что "государство... в своих международных делах прибегает к использованию террора не менее активно, чем в своей внутригосударственной деятельности"⁸⁷, некоторые специалисты в области международных отношений утверждают, что дипломатия принуждения и прочие

открытые действия государства, в частности применение тактики террора в международных отношениях (т.е. репрессалии и нанесение бомбовых ударов, призванных причинить ущерб и посеять страх, или же демонстрация силы или применения силы, как это было в период "холодной войны" между двумя сверхдержавами, борющимися за свои соответствующие сферы влияния, политика ядерного сдерживания и "равновесие страха"), являются примерами (международного) государственного терроризма, причем будь то в военное или невоенное время⁸⁸.

64. Представители некоторых государств прибегают к аналогичному расширенному толкованию концепции государственного терроризма и при обсуждении проблем терроризма в соответствующих органах системы Организации Объединенных Наций, что находит отражение в официальных документах, а также в отчетах о прениях. Так, например, в докладе Специального комитета по вопросам международного терроризма за 1973 год данная концепция государственного терроризма, встретившая одобрение целого ряда государств, трактуется следующим образом:

"в этом отношении упоминалось о терроре, осуществляемом в крупных масштабах и с помощью самых современных средств против целых народов в целях господства или вмешательства в их внутренние дела, о вооруженных нападениях, совершаемых под предлогом репрессий и превентивных действий одними государствами против суверенитета и целостности других государств, а также о проникновении террористических групп или агентов на территорию других государств"⁸⁹.

65. Однако как в политических, так и научных кругах высказываются серьезные возражения против такого расширенного толкования концепции государственного терроризма, которое делает несущий и без того чрезмерную смысловую нагрузку термин "терроризм" совсем уж громоздким. По словам известного специалиста, придерживающегося данной точки зрения:

"всякого рода предосудительные - или якобы предосудительные - действия, которые могут предприниматься государством на международном уровне, включая военные маневры и военные игры, проводимые вблизи территории другого государства и представляющие для последнего угрозу, перевозка ядерного оружия через территорию других государств и в международных водах, а также разработка, испытание и развертывание ядерных систем и систем космического оружия"⁹⁰

не являются проявлениями государственного терроризма, равно как не встречает общей поддержки и такая "необоснованно" расширенная трактовка понятия "терроризм"⁹¹.

66. Безотносительно мнения о том, в какой мере государственная деятельность, аналогичная упомянутой выше, может квалифицироваться как государственный терроризм, Специальный докладчик хотела бы напомнить, что обращение к войне как средству и запрет на применение силы регулируются нормами международного права. Как хорошо известно, в Уставе Организации Объединенных Наций закреплен основной принцип, запрещающий угрозу силой или ее применение в международных отношениях (пункт 4 статьи 2), если только речь не идет о самообороне (статья 51) или об исключении, предусмотренном в последнем предложении, касающемся сферы внутренней компетенции государства (пункт 7 статьи 2). Кроме того, всеми прекрасно создается, что случаи "незаконного" применения силы в международных отношениях будут разбираться в свете норм обычного международного права, международного права прав человека и гуманитарного права, правовых норм, применимых к вооруженным конфликтам, а также международного уголовного права. Такие действия могут повлечь за собой привлечение политических лидеров к личной уголовной ответственности, равно как и задействование положений об ответственности государства.

67. Разумеется, здесь не место углубляться в данный вопрос. Для целей настоящего исследования вполне достаточно указать на следующие соображения: а) хотя в обычных условиях война отнюдь не обязательно является разновидностью терроризма, проявления агрессии и прямые угрозы могут относиться к таковым; б) террористические акты могут совершаться государствами против других государств как в военное время, так и в невоенном контексте; в) в современном мире терроризм, направляемый государством, может принимать самые многообразные формы, причем он не ограничивается оказанием помощи террористическим группам за рубежом или руководством их действиями, но включает также прочие типы террористических нападков⁹². Такое положение дел, в сочетании с существующими разногласиями и отсутствием четких формулировок, в том что касается терминологии, используемой как специалистами, так и политиками, зачастую приводит к стиранию грани между (международным) государственным терроризмом и терроризмом, направляемым государством⁹³; д) с правовой точки зрения между (международным) государственным терроризмом и терроризмом, направляемым государством, не имеется существенного различия, поскольку и в том, и в другом случае результаты были бы совершенно одинаковыми (т.е. установление факта нарушения норм международного права, предъявление обвинений в свете соответствующих норм международного права, резкое осуждение такой линии поведения и т.д., не говоря о том, что встанет вопрос об ответственности).

4. Проявления субгосударственного (или индивидуального) терроризма

68. Резкий контраст с явлением государственного терроризма составляет явление субгосударственного (или индивидуального) терроризма, который является гораздо более разнообразным по своим формам. Как хорошо известно, до настоящего времени основное внимание исследователей и основной объем литературы, посвященной проблеме терроризма, приходились на этот тип терроризма, к которому относится тактика антигосударственного террора, применяемая индивидуальными лицами и группами, будь то крупными или мелкими, националистами, сепаратистами, бойцами освободительных движений и т.д.⁹⁴.

69. Что касается многообразия форм, которые принимает субгосударственный (или индивидуальный) терроризм, то один из ведущих специалистов по проблеме терроризма справедливо пишет следующее:

"Терроризм, трактуемый здесь как использование какой-либо группой завуалированного насилия для достижения политических целей, как правило, направлен против правительства, однако он используется также и против других этнических групп, классов или партий. Преследуемые при этом цели могут варьироваться от удовлетворения конкретных требований до свержения правительства и захвата власти или же избавления страны от иностранного правления. Террористы стремятся к подрыву политических, социальных и экономических устоев и для этого зачастую прибегают к спланированным или неизбирательным убийствам. Терроризм может быть явлением, сопутствующим проведению какой-либо политической кампании или же партизанской войне, однако он проявляется также в "чистом" виде. К нему прибегают национальные и религиозные группы, силы левого и правого толка, националисты, равно как и сторонники движений за интернационализм, и он встречается в такой разновидности, как терроризм, направляемый государством... Участниками террористических движений зачастую являются образованные представители средних классов, однако бывают также аграрный терроризм, террор со стороны отчаявшихся и отверженных, профсоюзный террор и террор рабочего класса... Объектом террора становятся как диктаторские режимы, так и демократические общества; иногда налицо явная взаимосвязь между вспышкой террора и социальными перекосами и экономическим кризисом, а подчас такой связи не прослеживается"⁹⁵.

70. Как явствует из приведенной выше цитаты, данная форма терроризма имеет столько разновидностей и является столь широкой, что в рамках настоящего исследования трудно

сузить ее до приемлемого формата и прокомментировать. Кроме того, отдельные ее аспекты носят весьма противоречивый характер, что порождает множество самых различных и даже диаметрально противоположных точек зрения. В ранее представленных ею документах Специальный докладчик уже обращала внимание Подкомиссии на ряд проблем субгосударственного терроризма, возникающих в связи с применением норм международного права и международного права прав человека, которые требуют тщательного изучения, особо выделяя при этом вопрос об ответственности негосударственных субъектов⁹⁶. Ею также был получен ряд материалов от правительств и неправительственных организаций, однако некоторые важные сведения поступили с большим запозданием, так что уделить им должного внимания не было возможности, причем поступили они к тому времени, когда лимит, установленный в отношении объема докладов о ходе работы, был уже выбран. Специальный докладчик убеждена, что дальнейшая проработка и осмысление данной темы позволят глубже изучить ее. Поэтому она считает целесообразным отложить рассмотрение вопроса о проявлениях субгосударственного терроризма, с тем чтобы на последующем этапе изложить по нему свои соображения в более законченном виде.

С. Преодоление противоречий: необходимость проведения разграничения между терроризмом и вооруженным конфликтом

71. Для целей выработки определения понятия "терроризм" крайне важно провести различие между вооруженным конфликтом и терроризмом⁹⁷. Еще в начале своей работы Специальный докладчик констатировала, что международное сообщество подходит к данному вопросу как к весьма спорному, проиллюстрировав это на примере часто повторяемой фразы "для одного - террорист, а для другого - борец за свободу"⁹⁸. Многими государствами высказывались обеспокоенности по поводу национально-освободительных войн, ведущихся в контексте права на самоопределение⁹⁹. Эти государства исполнены решимости воспрепятствовать тому, чтобы прения по вопросу терроризма вылились в необоснованное посягательство на этот основополагающий принцип¹⁰⁰. Другие же делают акцент на явлении, которое становится все более широко известным как "этнический конфликт" или даже "националистический/сепаратистский конфликт", хотя подчас складывается впечатление, что любой конфликт, подпадающий под такое описание, неизбежно связан с терроризмом. Указанные факторы озабоченности находят отражение в прениях, ведущихся в рамках всех органов и структур системы Организации Объединенных Наций. Однако Специальный докладчик отмечает практически полное отсутствие какого-либо правового анализа этих ключевых аспектов в ходе международного диалога. Поэтому, по ее мнению, настало время рассмотреть данный вопрос, поскольку без проведения четкой линии водораздела между войной и терроризмом не удастся добиться ни реального прогресса в деле выработки определения

терроризма, ни, что более важно, осуществления действенных мер по борьбе с терроризмом.

72. Основная причина, которой объясняется необходимость четкого отграничения вооруженного конфликта от терроризма, заключается в том, что при наличии вооруженного конфликта автоматически вступает в силу совокупность применимых к нему норм международного права (и международного гуманитарного права). Здесь имеются устоявшиеся определения, а также закрепляются четкие обязательства, касающиеся всех аспектов ведения боевых действий, включая как проведение военных операций и применение оружия (Гаагские правила), так и защиту жертв вооруженного конфликта (Женевские конвенции и протоколы)¹⁰¹. Согласно нормам права, применяемым к вооруженным конфликтам, акты войны не квалифицируются в качестве будь то преступных или террористических актов. Самое же важное состоит в том, что предусматриваются четкие обязательства в отношении обеспечения этих норм правовой санкцией, причем не в последнюю очередь обязательство при любых обстоятельствах соблюдать нормы гуманитарного права¹⁰². Отсюда вытекает необходимость проведения различия между войной и терроризмом, между актами войны и актами терроризма.

1. Вооруженный конфликт и терроризм

73. Под вооруженным конфликтом понимается ситуация, когда две или более сторон, располагающих техническими средствами вооруженной борьбы, вовлечены в достаточно крупные военные операции (акты войны), подпадающие по своим масштабам под общепринятые определения вооруженного конфликта. Применительно к военным операциям понятие достаточности варьируется в зависимости от того, носит ли вооруженный конфликт международный характер¹⁰³.

74. Нормы обычного международного права дают весьма расплывчатые ориентиры в отношении того, какие масштабы военных действий позволяют говорить о международном вооруженном конфликте и, следовательно, влекут за собой автоматическое применение к такой ситуации соответствующих международно-правовых норм. Однако, как показывает практика, даже малейшая военная агрессия одного государства против другого рассматривается в качестве достаточного основания. В большинстве же случаев военная агрессия проявляется весьма явно, так что, хотя началу войны может и не предшествовать ее объявление, международное сообщество осведомлено о наличии вооруженного конфликта¹⁰⁴.

75. Применительно к случаю вооруженного конфликта "не носящего международного характера и возникающего на территории" какого-либо государства (согласно

положениям общей статьи 3 Женевских конвенций 1949 года), в статье 1.1 Дополнительного протокола 1977 года к Женевским конвенциям 1949 года, касающегося защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II), несколько сглаживаются неясности формулировок общей статьи 3 Женевских конвенций и приводятся критерии военных действий, подпадающих под определение немеждународных вооруженных конфликтов (именуемых иначе "внутренними" или "гражданскими" войнами). Статьей 1.1 предусматривается, что Протокол II применяется во всем вооруженным конфликтам, происходящим на территории какого-либо государства между его вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами, которые осуществляют такой контроль над частью его территории, который позволяет данным группам осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять Протокол II¹⁰⁵. Как и общая статья 3 Женевских конвенций 1949 года, Протокол II не применяется к случаям нарушения внутреннего порядка и возникновения обстановки внутренней напряженности, таким, как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и иные акты аналогичного характера (которые не считаются "вооруженными конфликтами")¹⁰⁶. В условиях менее явных вспышек насилия проведение различия между "вооруженными конфликтами" и нарушениями внутреннего порядка уже сопряжено с трудностями, а подчас и со злоупотреблениями.

76. Особого типа война может вспыхивать в контексте этнических трений; этим и объясняется ставший ныне популярным термин "этнический конфликт". Однако и в данном случае речь все же идет о войне, к которой применимы гуманитарные нормы и которая носит характер либо гражданской, либо международной войны - причем за так называемым "этническим конфликтом" вероятнее всего будет крыться национально-освободительная война. Аналогичным образом, особого типа война может вспыхивать в "национальном/сепаратистском" контексте; однако, как и в случае "этнического конфликта", на нее также распространяются нормы гуманитарного права¹⁰⁷. Широкое использование этих терминов отнюдь не является юридическим основанием для отказа от применения норм гуманитарного права к комбатантам, участвующим в таких вооруженных конфликтах.

77. Для целей определения того, относится ли та или иная ситуация к вооруженному конфликту или терроризму, редко возникает необходимость в конкретизации типа вооруженного конфликта, т.е. носит ли он характер гражданской войны или же войны, в которой какая-либо группа, притязаящая на самоопределение, ведет борьбу за национальное освобождение. Многие группы, вовлеченные в вооруженный конфликт, заявляют о своем праве на самоопределение. Правовой же и фактологический анализ может и не подтвердить обоснованность таких притязаний. Однако если вооруженный

конфликт оправдывает применение норм гуманитарного права, то они должны быть задействованы¹⁰⁸. Политические затруднения у международного сообщества возникнут не в связи с тем, идет ли речь о войне или терроризме, а при определении того, о каком типе вооруженного конфликта ведется речь. Однако эта юридическая/политическая дилемма является предметом прений уже не по проблеме терроризма, а по вопросу о применимых нормах гуманитарного права, т.е. о нормах, применяемых к гражданским войнам или же войнам, указанным в статье 1.4 Дополнительного протокола I¹⁰⁹. В ходе таких прений и в привязке к конкретному вооруженному конфликту, безусловно, надлежит учитывать принцип самоопределения, закрепленный в Уставе Организации Объединенных Наций, а также в договорах и резолюциях по правам человека. Как представляется, рассмотрением высказываемых ОИК и другими организациями на многих форумах законных обеспокоенностей по поводу того, что попытки выработать определение понятия "терроризм" могут привести к выхолащиванию принципа самоопределения, целесообразнее заниматься именно в контексте норм гуманитарного права.

78. Это не означает, что в ситуации, со всей определенностью квалифицируемой как вооруженный конфликт либо между двумя правительствами, либо между правительством и группой, вовлеченной в вооруженный конфликт в целях отстаивания своего права на самоопределение, или же группой, позволяющей обоснованно говорить о гражданской войне, не могут также возникать не связанные с противоборствующими сторонами группы, занимающиеся почти исключительно террористическими актами. Следовательно, возможно появление групп, которые можно было бы назвать террористическими и действия которых, вполне вероятно, в политическом плане имеют отношение к вооруженному конфликту, но которые, скажем так, не вписываются по характеру своей деятельности в вооруженный конфликт.

79. Какая бы ни требовалась точность в таких нюансах, это не означает, что всякие действия, совершаемые в ходе вооруженного конфликта, являются актами войны. Нормами гуманитарного права конкретизируются действия, запрещаемые по законам и обычаям войны и, следовательно, квалифицируемые как незаконные деяния. Нормами обычного международного права, а также положениями Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним конкретизируются те незаконные акты, которые относятся к числу особенно тяжких международных преступлений, совершаемых в период вооруженных конфликтов¹¹⁰. Хотя в Гаагских конвенциях и правилах 1907 года или в Женевских конвенциях 1949 года не содержится никакого упоминания о террористических актах, в статье 4.2 d) Дополнительного протокола II недвусмысленно говорится о запрещении терроризма как метода ведения войны. Статьей 51.2 Дополнительного протокола I запрещаются в военное время "акты насилия или угрозы

насилием, имеющие основной целью терроризировать гражданское население". С правовой точки зрения совершенно необоснованно делать акцент исключительно на террористических актах, совершаемых комбатантами в условиях вооруженного конфликта, упуская из виду прочие акты, которые в неменьшей степени противоречат законам и обычаям войны. Обвинения в совершении любого рода нарушений законов и обычаев войны должны предъявляться в контексте норм права, применяемых к вооруженным конфликтам, соответствующих правоприменительных положений, а также любых предусматриваемых ими средств защиты и гарантий¹¹¹.

80. Подчас государства проявляют явное нежелание серьезно и беспристрастно подходить к выполнению обязательств, возлагаемых на них согласно правоприменительным положениям документов в области гуманитарного права. Этим, возможно, и объясняется, среди прочего, почему в ходе прений, проводимых в связи с определенными вооруженными конфликтами, акцент нередко смещается в сторону обсуждения проблемы терроризма. Однако Специальный докладчик отмечает, что в случае бывшей Югославии и Руанды были предприняты согласованные международные усилия по беспристрастному рассмотрению нарушений, совершенных сторонами¹¹². Остается надеяться, что с созданием Международного уголовного суда положение в целом изменится к лучшему¹¹³. Каким бы ни был статус Римского статута, существующими нормами международного гуманитарного права предусматривается, что любое государство может разыскивать и предавать своему суду лиц, обвиняемых в том, что они нарушили законы и обычаи войны, или передать их для суда другому государству при условии, что оно действует беспристрастно и с соблюдением минимальных стандартов¹¹⁴. Невзирая на возможные выгоды, скрываемые за нежеланием государств действовать таким образом и рассматривать войны именно как войны, вынесение некоторых из ныне происходящих вооруженных конфликтов за рамки прений по проблеме терроризма весьма способствовало бы достижению прогресса в деле выработки определения терроризма и принятию мер по уменьшению его масштабов.

81. Однако сохраняются случаи, когда могут возникать политические и прочие затруднения в плане определения того, идет ли речь о вооруженном конфликте или терроризме. Так, например, в контексте общей статьи 2 Женевских конвенций, согласно которой нормы гуманитарного права будут применяться во всех случаях частичной или полной оккупации территории, "даже если эта оккупация не встретит никакого вооруженного сопротивления", можно предположить возникновение следующих ситуаций: а) когда оккупированный народ, долгое время молчаливо сносивший оккупацию, впоследствии делает попытку восстановить или обрести право на самоопределение, причем даже с оружием в руках. Предпринимаемые им военные действия могут быть маломасштабными или сравнительно неэффективными - иными

словами, не подпадающими даже под минимальное определение вооруженного конфликта. Оккупирующая же сторона может сослаться на факт длительной оккупации как на доказательство ее законности и квалифицировать всякое вооруженное противодействие ей как терроризм¹¹⁵. b) Во-вторых, это ситуация зарождающейся гражданской войны - т.е. ситуация, характеризующаяся наличием вооруженных групп, которые либо не осуществляют контроль над достаточно большей частью территории, либо осуществляют уже не спорадические, но еще не непрерывные военные действия, или же действия которых не подпадают под определение военных действий согласно законам и обычаям войны. Такая группа вполне может притязать на право на самоопределение, однако подобные притязания видятся по меньшей мере сомнительными¹¹⁶. c) И наконец, ситуация, при которой какая-либо группа, обоснованно претендующая на право на самоопределение, может прибегать к использованию силы, однако действовать при этом почти исключительно с явным нарушением законов и обычаев войны. Применительно к первой из вышеуказанных ситуаций можно утверждать, что квалификация ее в качестве терроризма могла бы быть неверной, тогда как в случае второй ситуации - вполне справедливой. Что касается третьей ситуации, то против исполнителей актов, представляющих собой нарушение законов и обычаев войны, могли бы выдвигаться обвинения на основании соответствующих положений гуманитарного права или даже антитеррористических законов, применимых к данной конкретной ситуации. Само собой разумеется, что основное право народов на самоопределение ни при каких обстоятельствах не должно ущемляться.

III. СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ТЕРРОРИЗМА

82. В различных резолюциях Комиссии и Подкомиссии выражается испытываемая ими обеспокоенность по поводу возможного использования террористическими группами новых технологий. Специальный докладчик признает важность проведения широких прений по современным формам терроризма с привлечением ученых, политиков и неправительственных организаций. Хотя для обозначения проявлений политического насилия, наметившихся в последние 10-20 лет¹¹⁷, все чаще используются такие расплывчатые понятия, как "сверхтерроризм", "катастрофический терроризм" или "мегатерроризм", необходимо четко выделить элементы, объединяемые в рамках этих категорий, в порядке достижения аналитической ясности, в том что касается субъектов и форм насилия. В первом приближении Специальный докладчик склоняется к следующей точке зрения: i) вероятность угрозы нужно оценивать исходя из практической стороны конкретного акта, а не умозрительного сценария наихудшего развития событий; ii) многое из того, что трактуется как терроризм, по сути дела могло бы также квалифицироваться как нетеррористическая деятельность¹¹⁸. И эти выводы надлежит принимать в расчет, с тем чтобы составить реальное представление о возможных путях

решения проблем, с которыми сопряжены для прав человека современные формы терроризма.

83. В связи с изучением данной темы Специальный докладчик отмечает, что основной объем посвященной ей литературы принадлежит перу политологов, социологов и прочих ученых, но не юристов или специалистов в области прав человека, причем материал чаще всего подается в виде изложения фактов или гипотез, без проведения правового анализа. Поэтому Специальный докладчик считает необходимым проанализировать проблему с правовой точки зрения. Сперва она заострит внимание на возможности использования террористами оружия массового уничтожения (ОМУ), поскольку наибольшее внимание комментаторов вызывает именно эта форма новой технологии. Затем она остановится на роли новых информационных технологий в деле оформления современных форм терроризма с особым акцентом на концепции "компьютерного терроризма". Другие аспекты, касающиеся новых технологий, могут быть освещены на последующем этапе ее работы.

A. Оружие массового уничтожения и терроризм

84. Перспективы применения террористами ОМУ рисуются поистине угрожающими. Специализированная литература изобилует апокалиптическими картинами сотен тысяч людей, погибших страшной смертью в результате взрыва ядерного устройства или распыления возбудителя сибирской язвы в городе, и государства часто спекулируют такими мрачными сценариями, обосновывая ими политику ответного террора¹¹⁹. Именно в силу возможных серьезных последствий, с которыми сопряжено для осуществления прав человека применение террористами ОМУ и проведение политики противодействия терроризму, крайне важно тщательно взвесить реальность угрозы и оценить эффективность стратегии противодействия.

1. Химическое оружие

85. Химическое оружие появилось в начале двадцатого века. Химические агенты могут быть жидкими и газообразными, и обычно их выделяют в четыре категории: ОВ кожно-нарывного действия, как, например, иприт; ОВ общедовитого действия, например, цианистый водород; ОВ удушающего действия, например, фосген и хлорпикрин; а также ОВ нервно-паралитического действия, такие, как зарин, VX, табун и зоман¹²⁰. Наиболее смертоносными являются ОВ нервно-паралитического действия, которые, нарушая процесс образования фермента холинэстеразы, поражают нервно-мышечную систему и убивают жертву почти мгновенно¹²¹, а посему представляют особый интерес для групп или отдельных лиц, вынашивающих планы умышленного убийства большого числа людей.

86. С технической точки зрения возможность применения террористами химического оружия следует оценивать исходя из двух следующих аспектов: производство и доставка. Несмотря на то, что все материалы и оборудование, необходимые для производства химического оружия, относятся к числу изделий двойного назначения, большинство из которых легко можно приобрести через коммерческую сеть¹²², сам процесс производства такого оружия сопряжен с трудностями. Хотя, согласно оценкам, уровень квалификации, требуемой для производства химического оружия, варьируется от знаний химии в пределах программы средней школы до наличия опыта углубленной научной работы, большинство экспертов сходятся во мнении, что для безопасного производства в крупных количествах, скажем ОВ нервно-паралитического действия, необходимо определенное высшее образование¹²³. Что же касается стоимости создания эксплуатационно пригодной установки для производства ОВ нервно-паралитического действия, то называются самые разные цифры: от 20 000 до 20 млн. долл. США¹²⁴. Единственной реальной попыткой ввести меры по регулированию экспортных поставок оборудования двойного назначения и химических прекурсоров являются усилия 30 стран - членов Австралийской группы, инициативу которых необходимо подхватить и расширить, с тем чтобы добиться эффективной отдачи от нее¹²⁵.

87. ОВ нервно-паралитического действия могут доставляться к цели при помощи множества самых различных средств: от бомб до распылителей и проколотых пластиковых пакетов. Большинство экспертов сходятся во мнении, что единственным эффективным способом рассеивания ОВ нервно-паралитического действия на открытом воздухе на большой площади является их аэролизация, причем данный способ требует высокого уровня технической оснащенности и квалификации и сильно зависит от экологических условий¹²⁶. Кроме того, даже при оптимальных условиях для покрытия площади в один квадратный километр нужны "сотни, а то и тысячи килограммов" агента¹²⁷. При действиях на открытом воздухе вероятность поражения исчисляется цифрой, не превышающей несколько сот человек. Распыление агента внутри здания в лучшем случае может привести к гибели нескольких тысяч. Таким образом, применение террористами химического оружия не даст сколь-либо заметного эффекта по сравнению с обычной бомбой, которая к тому же проще в обращении и надежнее в плане получения желаемого результата¹²⁸. Для производства же необходимого количества агента вне пределов крупного производственного объекта понадобились бы месяцы, а то и годы¹²⁹.

88. Опыт японской секты Аум Синрикё позволяет глубже уяснить проблемы, связанные с потенциальной возможностью применения террористами химического оружия. Эта секта дважды совершала акты с применением ОВ нервно-паралитического действия зарина: 27 июня 1994 года в Мацумото (Япония), в результате которого погибли семь

человек и пострадали 144 человека, и 20 марта 1995 года в токийском метро, когда 12 человек погибли, а число пострадавших перевалило за тысячу¹³⁰. На пике своей деятельности, который пришелся на 1995 год, секта насчитывала 40 000 членов по всему миру, а общий размер ее активов, согласно сообщениям, исчислялся в пределах от десятков миллионов до 1,4 млрд. долл. США¹³¹. В состав Аум Синрикё входил ряд молодых ученых и инженеров, и сектой была создана целая международная сеть, через которую поступали химикаты и оборудование. Несмотря на то, что она располагала колоссальными средствами, инфраструктурой, квалифицированными специалистами и явно стремилась к массовым жертвам, девять попыток применения биологического оружия окончились полным фиаско. После этого Аум Синрикё переключилась на химические агенты и провела два смертоносных акта. Однако ни один из них не привел к тем крупным жертвам, о которых обычно говорится в литературе по проблеме терроризма с применением ОМУ или на которые по крайней мере рассчитывала Аум Синрикё. Используемые методы доставки являлись примитивными: в первом случае - мощный вентилятор и нагревательный элемент, а во втором - проколотые пластиковые пакеты. Даже такой секте, как Аум Синрикё, являющей собой хрестоматийный пример террористической группы, прибегающей к использованию химического оружия для целей массового поражения людей, не удалось преодолеть вставшие на ее пути препятствия технического характера¹³².

2. Биологическое оружие

89. Биологическое оружие, по определению, является более смертоносным по сравнению с химическим оружием, однако, к счастью, его производство и доставка сопряжены и с гораздо большими трудностями¹³³. Боевые биологические агенты, как правило, подразделяются на четыре категории: бактерии, включая возбудителей сибирской язвы и чумы; вирусы, включая возбудителей желтой лихорадки, эболы и венесуэльского энцефалита лошадей; риккетсии, включая возбудителей Ку-лихорадки; а также токсины, включая рицин и ботулинический токсин. Некоторые из вызываемых ими заболеваний являются инфекционными, а многие имеют инкубационный период, затрудняющий их диагностику, профилактику и лечение.

90. С точки зрения производства наибольшая трудность связана с приобретением посевного материала. Если в прошлом отдельные культуры можно было официально заказать из международных коллекций, то в настоящее время вводятся все более жесткие меры контроля над экспортом¹³⁴. Среду для выращивания и соответствующее оборудование получить сравнительно несложно. Как и в случае химического оружия, уровень технической квалификации, требуемой для производства биологического оружия, согласно оценкам, варьируется от базовых знаний в области биологии до наличия

многолетнего опыта научной работы, хотя и здесь, по общему мнению, необходима определенная подготовка на базе высшего образования. Общая стоимость создания небольшого объекта по производству биологического оружия может варьироваться в пределах от 200 000 до 2 млн. долл. США. В связи с производством такого оружия приходится решать несколько дилемм: хотя влажные агенты проще в производстве, они гораздо менее эффективны по сравнению с сухими агентами, и чем чище агент, тем менее стабильным он является¹³⁵. В числе наиболее вероятных кандидатов для использования террористическими организациями врачи и медицинские эксперты, как правило, называют возбудители сибирской язвы, чумы и оспы, а также ботулинический токсин¹³⁶.

91. Ввиду повышенной чувствительности биологических агентов к воздействию таких экологических факторов, как солнечный свет, влажность и температура, эффективная доставка их к цели в крупных количествах сопряжена с весьма серьезными затруднениями¹³⁷. С технической точки зрения наиболее трудной задачей является создание приспособленного для вдыхания аэрозоля, о чем свидетельствует ряд предпринятых сектой Аум Синрикё неудавшихся попыток по распылению возбудителей сибирской язвы при помощи аэролизаторов¹³⁸. В сущности, совершение террористами нападений с применением биологического оружия никогда не приводило к смерти более чем одного человека¹³⁹, что является убедительным подтверждением сложности производства биологических агентов и их применения с покрытием большой площади.

3. Ядерный терроризм

92. Эксперты в целом сходятся во мнении, что вероятность приобретения и применения террористами ядерного оружия менее велика по сравнению с возможностью применения химического или биологического оружия. Хотя множатся истории, повествующие о контрабанде похищенного ядерного оружия, в том числе о пресловутых "компактных бомбах чемоданного размера", не имеется ни одного нашедшего подтверждения случая продажи ядерного оружия и никогда не всплывало данных, подтверждающих факт обладания каким-либо негосударственным субъектом ядерным оружием, а уж тем более взрыва им такого устройства¹⁴⁰. И все же проблема так называемых "неучтенных ядерных устройств" требует согласованных международных усилий, призванных обеспечить жесткий контроль за ядерным оружием и охват такого оружия системой гарантий¹⁴¹.

93. Те группы или лица, которые не в состоянии приобрести готовое ядерное оружие, могут предпринять попытку сконструировать такое устройство самостоятельно, хотя для этого потребовались бы высокая техническая квалификация и закупка надлежащего количества оружейного или по крайней мере пригодного для оружейных целей расщепляющегося материала, будь то высокообогащенного урана (ВОУ) или плутония¹⁴².

Хотя множатся также слухи относительно якобы существующего "черного" рынка ядерных материалов, не отмечалось ни одного единственного случая, когда речь бы шла о количестве, достаточном для фактического изготовления бомбы¹⁴³. Некоторые эксперты высказывают даже сомнения относительно существования спроса на расщепляющийся материал или ядерное оружие¹⁴⁴. Наиболее трудным способом обретения ядерного оружия является получение собственного ВОУ в реакторе. В этом отношении показательным примером является соответствующая тайная программа Южной Африки, общие расходы на которую составили почти 200 млн. долл. США¹⁴⁵. С гораздо менее высокими затратами было бы сопряжено осуществление проекта с использованием полученных на стороне расщепляющихся материалов.

94. К числу других возможных форм ядерного терроризма можно отнести применение излучающих радиацию устройств, или радиологического оружия, когда используются более легкодоступные нерасщепляющиеся радиоактивные изотопы, а метод применения заключается в рассеивании радиоактивных материалов в виде порошка. Хотя, по общему мнению, такие устройства не имеют практической пригодности для целей обычного военного применения, их с успехом можно было бы использовать для терроризирования населения, пусть даже их поражающее воздействие и является довольно низким¹⁴⁶. Другая возможная форма ядерного терроризма - диверсии на атомных электростанциях. Чеченские повстанцы, например, неоднократно угрожали сделать это в России, и, по мнению некоторых экспертов, такие диверсии представляют собой наиболее вероятную форму ядерного терроризма¹⁴⁷.

4. Потенциальное применение оружия массового уничтожения

95. Большинство видов химического, биологического и ядерного оружия появились несколько десятилетий назад. Терроризм же как явление имеет многовековую историю. В связи с недавним всплеском обеспокоенности по поводу возможности их слияния, высказываемой как в литературе, так и в политических кругах, прозвучала мысль о том, что совершенное сектой Аум Синрикё нападение в токийском метро послужило мощнейшим катализатором, поскольку оно представляет собой первый серьезный случай применения террористами ОМУ в условиях современного города¹⁴⁸. Как-то внезапно разговор пошел уже не о том, "произойдет ли это?", а о том, "когда подобное повторится вновь?", поскольку эксперты полагают, что присущая террористам тяга к мимикрии побудит и других попытаться предпринять аналогичные нападения. Кроме того, интерес, проявляемый с недавнего времени к пресловутым программам создания биохимического оружия, и обеспокоенность по поводу уязвимых запасов ядерного, химического и биологического оружия¹⁴⁹, находящихся в руках отдельных правительств, порождают

опасения, что ОМУ может стать более легкодоступным, причем будь то по линии "государств-спонсоров", либо по каналам черного рынка.

96. Однако все еще предстоит найти ответ на вопрос о том, зачем террористам нужно было бы прибегать к использованию ОМУ? Уместно вспомнить часто повторяемую фразу известного эксперта по проблеме терроризма: "террористов интересует не гибель массы людей, а пристальное внимание со стороны массы людей"¹⁵⁰. Иными словами, террористы сознают, что чрезмерно губительное нападение с применением ОМУ могло бы отвратить от них их сторонников или повлечь за собой принятие правительством сокрушительных ответных мер. Кроме того, террористы, возможно, боятся манипулировать с такими опасными веществами и использовать их самостоятельно, рассматривая обычное оружие как вполне удовлетворяющее их потребностям¹⁵¹. В противовес этим бытующим представлениям экспертами и политиками, как правило, выдвигаются два довода в обоснование возможности применения террористами ОМУ. Во-первых, многие указывают на "возросшую губительность" террористических актов и, исходя из этой посылки, утверждают, что террористы не преминут обратиться к ОМУ, поскольку они все глубже осознают его смертоносный потенциал¹⁵². Во-вторых, многими рисуется образ террористов "новой формации", которые, ломая традиционные стереотипы, готовы пойти на применение ОМУ. Терроризму новой формации присваиваются самые различные определения, как-то "нигилистический", "религиозно направленный", "фанатический", "фундаменталистский", "апокалиптический", "этнический", но неизменно "экстремистский"¹⁵³. Устремленность этих новых субъектов "в иной мир" и отсутствие у них конкретных политических целей делают их действия совершенно непредсказуемыми, и они вполне могут пойти на применение ОМУ для запланированного массового уничтожения людей.

97. По мнению Специального докладчика, крайне важно не попасться на удочку таких вселяющих тревогу перспектив, рисующих картину терроризма с применением ОМУ, оставаясь при этом безучастными к возможным нарушениям прав человека, которыми, несомненно, может сопровождаться политика противодействия терроризму, продиктованная столь мрачными прогнозами. Выше уже указывалось на некоторые препятствия технического характера, затрудняющие получение доступа к ОМУ и его применение. Однако даже если эти препятствия удастся преодолеть, то факты все же говорят против возможности неизбежного совершения террористами нападения с применением ОМУ. За последние 25 лет в глобальном масштабе террористами было совершено лишь пять подобных актов, унесших жизни 10 или более человек (самое большое - 19 человек), причем во всех случаях использовалось химическое оружие и "примитивные" методы доставки¹⁵⁴. Согласно одному источнику, за период с 1975 года по июль 2000 года в результате применения террористами биологического оружия

погибли два человека и пострадали 752 человека, а общее число жертв в результате применения химического оружия составило 150 погибших и 2 492 пострадавших¹⁵⁵. Эти показатели не идут ни в какое сравнение с теми сотнями людей, которые погибли от рук террористов в ходе многочисленных актов, совершенных с применением обычного оружия.

98. Все это, конечно, не означает, что речь идет о каких-то там незначительных жертвах или же о том, что возможность будущего перехода к терроризму с применением ОМУ представляется маловероятной и, следовательно, не заслуживает нашего внимания. Просто связь между недавним ростом смертоносности террористических актов и применением ОМУ видится довольно зыбкой. В сущности, такая их возросшая смертоносность стала результатом не применения ОМУ, а проведения целой серии губительных террористических актов с применением обычного оружия, таких, как 13 одновременных взрывов бомб в Бомбее в 1993 году, взрыв бомбы в административном здании в Оклахома-Сити в 1995 году и взрывы бомб в посольствах Соединенных Штатов в Найроби и Дар-эс-Саламе в 1998 году. Кроме того, эксперты в этой области убедительно доказывают необходимость проведения "аналитического" различия между маломасштабным применением ОМУ в тактических целях и применением ОМУ для целей массового уничтожения¹⁵⁶. Как бы то ни было, здесь не место углубляться в рассмотрение вопроса относительно потенциальной возможности использования террористами ОМУ. Специальный докладчик полагает, что, принимая во внимание серьезные сомнения по поводу вероятности неизбежного применения террористами ОМУ, следует остерегаться излишнего преувеличения опасностей "катастрофического", "ультрасовременного" терроризма или "сверхтерроризма", которые вполне обоснованно могут повлечь за собой приведение в действие механизма противоборства терроризму со всеми связанными с этим потенциальными ущемлениями гражданских свобод и нарушениями прав человека. Например, угроза применения ОМУ могла бы вылиться в введение жестких ограничений и расширение полномочий полиции. Эти и прочие негативные последствия нагнетания обстановки страха (порождаемого страхом перед терроризмом) в неменьшей мере чреваты ущемлением прав человека, чем собственно терроризм¹⁵⁷.

В. Терроризм и новые информационные технологии

99. Имеется ряд моментов, на которых необходимо заострить внимание в связи с рассуждениями по поводу современных форм терроризма и новых информационных технологий (НИТ). Во-первых, НИТ могут использоваться террористами или другими группами для организационных целей, а также в качестве средства распространения информации. И здесь открываются возможности для создания новых интерактивных форм организации, особенно привлекательных для террористов, преступного мира и

прочих объединений, противостоящих государственной машине¹⁵⁸. Особенно эффективной является так называемая сеть, с распределенными параметрами, в которой каждый узел связан с каждым другим, поскольку она позволяет создать идеологически сплоченную организацию, между различными ячейками которой налажен постоянный информационный обмен, но которая не имеет ни одного уязвимого звена, по которому противник мог бы нанести удар. Элементами технической инфраструктуры в случае этих новых форм организации выступают электронная почта, Web-странички, электронные доски объявлений, факсимильные аппараты и сотовые телефоны, которые также обеспечивают небольшим группам, располагающим ограниченными ресурсами, возможность мгновенно распространять их информацию по всему миру. Необходимо четко оговорить, что использование террористическими группами НИТ для пропагандистских или организационных целей не обязательно может квалифицироваться как собственно терроризм, если только такая деятельность не отвечает правовым критериям подстрекательства.

100. Использование НИТ в качестве инструмента подрывной деятельности получило название "компьютерного терроризма". Однако точно так же, как использование НИТ для пропагандистских целей может не являться терроризмом, аналогичным образом могут не квалифицироваться в качестве терроризма и многие виды использования НИТ для диверсионных или подрывных целей¹⁵⁹. Благодаря быстрому расширению охвата сети Интернет так называемые компьютерные пираты по всему миру получают возможность задействовать самые разнообразные средства, варьирующиеся от пресловутых вирусов до таких менее известных видов оружия, как "логические бомбы", "программы-паразиты" и "программы-шпионы".

101. Кроме того, в результате колоссального расширения за последнее десятилетие возможностей персональных компьютеров пираты могут совершать транснациональные скоординированные диверсии против компьютерных систем, взламывая и поражая сети, уничтожая данные и выводя из строя системы, завязанные на компьютерные сети. Хотя сюда можно отнести целый ряд различного рода действий, не все они подпадают под понятие "компьютерный терроризм". Специальный докладчик относил бы к компьютерному терроризму те акты, совершение которых имеет целью нанести повреждения или ущерб, достаточно ощутимые для того, чтобы терроризировать население. В качестве соответствующих примеров часто называются попытки вывести из строя системы управления воздушным движением, получение контроля над системами оружия и блокирование каналов связи службы неотложной медицинской помощи. Действия такого рода действительно могут квалифицироваться как использование НИТ для террористических целей, однако нельзя допускать, чтобы сюда огульно причислялись и прочие категории действий. Следует далее отметить, что, несмотря на рисуемые

пугающие сценарии, из тысяч ежедневно регистрируемых случаев пиратского проникновения в крупные компьютерные системы на сегодняшний день ни разу не поступали подтвердившиеся сообщения о совершении акта компьютерного терроризма. В сущности, многие эксперты считают совершение такого акта весьма маловероятным в силу связанных с ним трудностей и его потенциальной неэффективности¹⁶⁰.

IV. ТЕРРОРИЗМ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

102. Террористические акты, совершаемые будь то государствами или негосударственными субъектами, могут самым непосредственным образом затрагивать право на жизнь, право на свободу от пыток и произвольного задержания, права женщин, права детей, право на здоровье, на минимально необходимое количество продуктов питания, на демократический порядок, на мир и безопасность, право на недискриминацию и целый ряд других защищаемых норм в области прав человека¹⁶¹. В сущности, не имеется, вероятно, ни одного права человека, на котором терроризм не сказывался бы пагубным образом.

103. В своих резолюциях 1999/27 от 26 апреля 1999 года и 2000/30 от 20 апреля 2000 года Комиссия просила Специального докладчика рассмотреть вопросы, затронутые в этих резолюциях; речь шла об определенных правах человека, об обеспокоенности по поводу жертв терроризма, об обеспокоенности тем обстоятельством, что меры по борьбе с терроризмом могут не всегда строго соответствовать международным стандартам в области прав человека, и об особой обеспокоенности по поводу совершения таких преступлений, как захват заложников, похищение людей и вымогательство. Что касается названных аспектов, то резолюция 2001/37 Комиссии от 23 апреля 2001 года по существу повторяет две вышеупомянутые резолюции. В этой связи целесообразно также отметить, что в ходе предшествующих прений многие правительства и неправительственные организации обращали в своих выступлениях особое внимание на ущемление предусмотренных международно-правовыми актами по правам человека процессуальных прав применительно к лицам, обвиняемым на основании положений внутригосударственного антитеррористического законодательства. Как обычно, серьезные расхождения во мнениях возникли по вопросу, касающемуся негосударственных субъектов. Поэтому Специальный докладчик попытается рассмотреть ниже некоторые из этих вопросов, хотя ввиду ограничений, установленных в отношении объема докладов, ей, к сожалению, придется сделать это в сжатой форме.

А. Прямые последствия

1. Общие факторы, вызывающие обеспокоенность

104. В процессе изучения вопроса, связанного с совершением террористическими группами таких преступлений, как захват заложников, похищение людей и вымогательство, Специальный докладчик пришла к выводу, что к подобным актам по большей части прибегают известные группы, действующие преимущественно в довольно ограниченном числе районов, характеризующихся к тому же политической напряженностью. Однако несколько неясно, получения какой информации относительно таких актов рассчитывает добиться Комиссия от Специального докладчика в контексте исследования по вопросу о терроризме и правах человека, кроме как очередной констатации того, что имели место отдельные новые случаи их совершения новыми группами. Это не означает, что такие акты не могут совершаться в будущем в других районах, причем все новыми группами, однако предугадать географию их возможного совершения весьма трудно, да и практически невозможно. Привлечение к уголовной ответственности за совершение такого рода актов предусматривается как внутригосударственным законодательством, так и действующими нормами международного права, включая требование о международном сотрудничестве в деле задержания лиц, подозреваемых в причастности к подобным актам.

105. Комиссия также выражала обеспокоенность по поводу изнасилований, совершаемых членами террористических групп. В этой связи Специальный докладчик обращает внимание не только на деятельность самой Комиссии и работу Специального докладчика Комиссии по вопросу о насилии в отношении женщин, его причинах и последствиях, но также и на соответствующую работу Подкомиссии и ее Специального докладчика по вопросу о систематических изнасилованиях, сексуальном рабстве и сходной с рабством практике в период вооруженных конфликтов¹⁶². Комиссия уже вынесла определение, что акты изнасилования, совершаемые негосударственными субъектами, представляют собой нарушение прав женщин¹⁶³.

106. Государства обязаны предпринимать действенные меры по поощрению и защите прав человека всех лиц, находящихся под их юрисдикцией. Хотя это и является одним из основных принципов, на которых зиждется право прав человека, о нем важно все же напомнить здесь, тем более что и Комиссия, и Подкомиссия заостряли внимание на данном аспекте в контексте рассмотрения проблемы терроризма¹⁶⁴. Государства, прибегающие к государственному терроризму, будь то международному или внутреннему, грубо извращают саму концепцию прав человека. Политика таких государств не только подлежит международному осуждению, но и диктует также

необходимость принятия международных мер в свете положений соответствующих документов и в рамках механизмов по правам человека и, где это применимо, норм гуманитарного права. Эффективные меры такого рода позволили бы значительно уменьшить масштабы современного терроризма.

107. В тех случаях, когда террористические акты или угрозы их совершения негосударственными субъектами угрожают жизни и безопасности лиц, находящихся под юрисдикцией того или иного государства, долг и обязанность данного государства обеспечить защиту этих лиц. Минимальные ответные действия государства не должны ограничиваться квалификацией террористических актов в качестве уголовно наказуемых деяний или же специализированной подготовкой сотрудников местных и общенациональных правоохранительных органов или военнослужащих. По мнению Специального докладчика, такой подход к решению проблемы является слишком узким и односторонним и не позволит добиться действенной защиты от террористических актов. Государству в равной мере необходимо проводить тщательный анализ всех аспектов терроризма, включая его коренные причины и связанные с проводимой им внешней и внутренней политикой последствия с точки зрения норм международного права (и особенно применительно к правам человека), которые породили опасность совершения террористических актов против его граждан или лиц, находящихся под его юрисдикцией¹⁶⁵. Если бы все государства проводили такой объективный анализ, а затем уже принимали конструктивные меры - требующие, возможно, изменения политики, - то резко уменьшилось бы и число террористических актов, совершаемых негосударственными субъектами.

108. К сожалению, некоторые государства считают, что всякое акцентирование внимания на причинах терроризма имеет нежелательный эффект, порождая нездоровый интерес если не к самим террористическим актам, то по крайней мере сочувственное отношение к тому контексту, из которого они проистекают. В таких условиях возможна мобилизация общественного мнения для оказания на государство давления, с тем чтобы вынудить его изменить политику, менять которую оно не желает, даже невзирая на усугубление опасности терроризма. Кроме того, бытует также мнение, согласно которому акцентирование внимания на первопричинах, что способно повлечь за собой изменение политики, может трактоваться как уступка требованиям террористов. Даже если так, то государства подчас обязаны пересмотреть проводимую ими политику, идущую вразрез с нормами международного права. Однако это не следует рассматривать как уступку требованиям террористов, даже если какая-либо террористическая группа, возможно, и добивается именно таких изменений.

109. Подчас государство может оказаться совершенно неспособным действенным образом защитить своих граждан от актов терроризма. В таких случаях имеются основания предположить, что государство либо бессильно (не в состоянии), либо не желает - или же и то и другое - контролировать ситуацию, тем самым уклоняясь от своей первейшей обязанности обеспечивать защиту собственного народа. В подобных ситуациях ответственность за акты, совершаемые негосударственными субъектами, может нести само такое государство¹⁶⁶. С другой стороны, слишком жесткая реакция государства на угрозу терроризма также может пагубно отразиться на правах человека. Поэтому Комиссия неоднократно высказывала обеспокоенность по поводу принимаемых мер по борьбе с терроризмом, о чем свидетельствуют ее последние резолюции по проблеме прав человека и терроризма, в которых вновь говорится, что такие меры должны строго соответствовать нормам международного права прав человека¹⁶⁷.

110. В этом отношении особенно уязвимыми с точки зрения необоснованного приостановления действия в контексте принятия мер по борьбе с терроризмом оказываются права на свободу слова, объединений, совести, вероисповедания и передвижения, а также права беженцев. Подобное подчас может происходить в тех случаях, когда индивидуальные лица или группы в том или ином государстве выступают в поддержку некоей политической позиции, вступающей в конфликт с политической линией правительства, но согласующейся с позицией какой-либо группы, которая считается террористической.

111. Наконец, следует отметить, что целым рядом государств либо уже введено, либо намечается ввести в действие антитеррористическое законодательство, которое зачастую подвергается критике со стороны как правоведов, так и правозащитников¹⁶⁸. В некоторых из таких законодательных актов не дается никакого определения терроризма, тогда как в других содержится перечень относимых к нему актов. Некоторыми же предусматриваются положения, согласно которым отдельные группы официально причисляются к террористическим, причем зачастую без учета особенностей сложившейся ситуации или характера деятельности конкретной группы. Эти и прочие группы, разделяющие аналогичные взгляды, но не связанные с группами, о которых конкретно ведется речь, могут сталкиваться с серьезными последствиями. Как будет показано ниже, при оспаривании такого ложного причисления к террористам в судебном порядке или защите лица, обвиняемого в совершении преступления на основании антитеррористического законодательства, нередко могут допускаться серьезные ущемления целого ряда процессуальных прав.

2. Особый комментарий по вопросу о процессуальных правах

112. Специальный докладчик проанализировала положения ряда национальных законов о борьбе с терроризмом, а также внимательно изучила замечания, представленные государствами как в ответ на инициативу Генеральной Ассамблеи, так и в связи с настоящим исследованием¹⁶⁹. Если в одних странах законодательство в полной мере согласуется с международными нормами в области прав человека, то в других допускаются серьезные отходы от таких норм. Поэтому, по ее мнению, весьма небезынтересно заострить внимание на отдельных ситуациях, в случае которых существует высокая вероятность злоупотребления правами обвиняемого или их ущемления¹⁷⁰.

113. В некоторых государствах лица, арестованные по подозрению в терроризме, могут быть лишены права на свидание¹⁷¹. Речь может идти даже об отказе в сношении с собственным защитником или о таком серьезном ограничении права получения доступа к юридической помощи, включая обязательное присутствие официальных лиц при встречах адвоката с клиентом, как полный отказ в праве пользоваться помощью адвоката. Обвиняемый, как правило, содержится без права переписки и свиданий.

114. Государствами могут предусматриваться специальные процедуры, допускающие проведение проверок документов, обыска кварталов и прочих актов, сопряженных как с посягательством на право на неприкосновенность частной жизни, так и с нарушением права на справедливое судебное разбирательство¹⁷². Государство может, например, ввести упрощенную процедуру выдачи ордера или даже вообще упразднить ее. С серьезными посягательствами на их права, особенно в случае обысков кварталов и прочего рода вмешательств в частную жизнь, могут столкнуться не только обвиняемые, но и многие совершенно непричастные лица.

115. Законодательные нормы некоторых государств самым непосредственным образом сказываются на процессе судебного разбирательства. Например, для лиц, обвиняемых в совершении террористических актов, могут устанавливаться ограничения числа свидетелей, вызываемых для дачи показаний, причем им может вообще отказываться в праве на выставление свидетелей. Тем самым резко ограничиваются возможности подсудимого доказать свою непричастность к той или иной конкретной группе, рассматриваемой в качестве террористической, или к какому-либо конкретному акту. Это приобретает особенно важное значение в том случае, когда обвинения предъявляются человеку не в связи с террористическим актом как таковым, а на основании положений о солидарной ответственности.

116. Обвиняемый может также пытаться доказать, что группа, к членам которой его причисляют, по закону не является террористической. Ограничение же возможности выставить таких свидетелей, как эксперты в области международного или внутригосударственного права, специализирующиеся на проблеме терроризма, может серьезно ослабить позицию защиты. Специальный докладчик прекрасно сознает, что в данном случае речь идет о сложных правовых вопросах, в которых обычный адвокат, причем даже принадлежащий к наиболее сильной юридической школе, не вполне компетентен. Кроме того, во многих государствах судьи подчас не склонны выносить решения, идущие вразрез с позицией государства в этих вопросах. Даже в тех государствах, где существует довольно беспристрастная и независимая судебная власть, найдется немного адвокатов и судей, достаточно сведущих в международных стандартах по правам человека и нормах международного гуманитарного права для вынесения справедливого решения, особенно если обвиняемый лишен возможности прибегать к помощи экспертов или выставить других свидетелей.

117. Ущемлением процессуальных прав особенно чреваты случаи заедствования государством против предполагаемых членов групп, относимых к террористическим, правовых норм о солидарной ответственности или об ответственности за преступный сговор. Например, лицу, уличенному в распространении когда-то литературы, совпадающей по направленности с целью, преследуемой якобы террористической группой, может быть предъявлено обвинение в пособничестве или подстрекательстве к терроризму, а также инкриминировано соучастие в любых актах, совершенных группой, причем актах, к которым обвиняемый никак не причастен или о которых ему даже неизвестно. Правовые нормы об ответственности за преступный сговор особенно пагубно отражаются на процессуальных правах в условиях внутреннего или международного вооруженного конфликта, который государство квалифицирует как имеющий "террористическую" направленность. Подобные ситуации чреваты резким ограничением прав, закрепляемых нормами гуманитарного права, и в первую очередь в случаях, когда не предусматривается солидарная ответственность и когда ни законные военные акты, ни действия, предпринимаемые в порядке гуманитарной поддержки, не могут объявляться преступлением по закону.

В. Косвенные последствия

118. Как само государство, так и негосударственные субъекты могут умышленно сеять страхи по поводу совершения против населения террористических актов. Страх же, несоизмеримый масштабам реальной угрозы, может, например, породить в целом самое опасливое отношение к представителям конкретной расы или религии. Так, в ряде стран организованная дискредитация определенных групп уже привела к созданию атмосферы

расизма и религиозной нетерпимости. Необоснованный страх влечет за собой менее решительное неприятие в целом весьма жестких антитеррористических мер.

И проведение кампаний по нагнетанию страха может быть обусловлено именно желанием государства ввести такие меры. Некоторые государства считают даже, что порождаемый в итоге расизм и религиозная нетерпимость отвечают их политическим интересам и, следовательно, оправдывают издержки. Однако с точки зрения прав человека такой циничный подход является возмутительным, и проведение подобной политики всякий раз оборачивается самыми негативными последствиями для прав человека¹⁷³. В любом случае, это сопряжено с серьезной опасностью урезания основных гражданских свобод.

119. В связи с обстановкой нагнетания необоснованного страха можно выделить два побочных аспекта, которые - хотя они и носят в высшей степени политический характер - имеют самое непосредственное отношение к правам человека. Народу какого-либо государства может прививаться безрассудный страх к другим государствам, их лидерам и народам, причем совершенно несоизмеримый масштабам реально исходящей от них опасности. Это, конечно же, серьезно подрывает идею международной солидарности. Генеральная Ассамблея неоднократно и решительно осуждала политику введения государствами односторонних санкций или прочих карательных мер, причем подчас в попытке распространить действие таких санкций и карательных мер на третьи государства, как идущую вразрез с Уставом. Все это не только негативно отражается на гражданских и политических правах, но и серьезно сказывается на экономических, социальных и культурных правах, причем как явным, так и не столь явным образом. В любом случае, практика применения односторонних мер может рассматриваться как противоречащая духу призывов международных организаций к сотрудничеству в деле борьбы с терроризмом и террористическими актами.

120. Второй побочный аспект в связи с необоснованной боязнью терроризма всплывает в связи со все той же фразой "для меня - борец за свободу, для тебя - террорист", которую Специальный докладчик уже упоминала выше, а также в своем предшествующем документе. Действительно, может иметься целый ряд причин, по которым отдельные государства намеренно дают вооруженным конфликтам превратную трактовку терроризма, однако Специальному докладчику нет необходимости углубляться сейчас в этот вопрос.

C. Вопрос безнаказанности

121. Как Комиссией, так и Подкомиссией поднимался вопрос о безнаказанности в связи с терроризмом¹⁷⁴. Безусловно, одним из действенных методов уменьшения числа террористических актов и упреждения их в будущем является решительное судебное

преследование лиц, причастных к их совершению. Допускаемая же государствами практика безнаказанности служит не сдерживанию терроризма, а, напротив, может рассматриваться только как поощряющая его.

122. Вопрос о безнаказанности нарушений гражданских и политических, а также экономических, социальных и культурных прав уже рассматривался Подкомиссией в рамках двух замечательных исследований¹⁷⁵. Хотя ни в одном из них речь прямо не шла о террористических актах, такие акты, расцениваемые как наносящие ущерб гражданским и политическим правам, являлись предметом самого пристального внимания в Комиссии и Подкомиссии, а также со стороны Специального докладчика в рамках ее предшествующего документа и настоящего доклада. Анализируя же виды практики, упомянутые г-ном Гиссе в его докладе об осуществлении экономических, социальных и культурных прав, Специальный докладчик сочла, что в контексте проблемы терроризма и прав человека вполне могли бы учитываться следующие из них: осуществление таких программ структурной перестройки, которые наносят серьезный ущерб жизненно важным экономическим правам (E/CN.4/Sub.2/1996/15, пункты 65-69), введение эмбарго (пункты 70-72), коррупция государственных должностных лиц (пункты 73-79), валютно-финансовые махинации и мошенничество (пункты 83-85), экологические катастрофы антропогенного характера (пункты 93-98), перекосы в системе здравоохранения и махинации с лекарственными препаратами (пункт 106) и махинации с продуктами питания (пункты 107-109). Г-н Гиссе намечает двуединый комплекс судебных мер по борьбе с безнаказанностью: предоставление компенсации жертвам и судебное преследование нарушителей. Он рекомендует объявить нарушения экономических, социальных и культурных прав международными преступлениями, на которые должны распространяться принципы универсальной компетенции.

123. Специальный докладчик отвергает всякую безнаказанность применительно к террористическим актам, совершаемым будь то государством или негосударственными субъектами, идет ли речь об актах гражданского, политического, экономического, социального или культурного характера. К сожалению, безнаказанность имеет место, причем под самыми различными предлогами. В случае негосударственных субъектов возможности для безнаказанности открываются в рамках избирательного судебного преследования или дискреционного права обвинительной власти. Хотя подчас это и обосновано, особенно если объективный анализ свидетельствует о том, что улики, имеющиеся против лиц, обвиняемых в совершении террористических актов, являются неубедительными, в некоторых случаях, когда есть достаточно оснований для возбуждения дела, государства предпочитают игнорировать их. В отдельных государствах у жертв предполагаемых террористических актов или их родственников может просто не иметься правовых оснований для принуждения государства к

возбуждению уголовного преследования против исполнителей преступления. Жертвы таких актов или родственники погибших могут также быть лишены возможности предъявлять гражданский иск о возмещении ущерба в силу наличия множества самых различных юридических препятствий.

124. Один из ключевых вопросов, возникающих в контексте безнаказанности, состоит в том, каковы шансы главы государства или другого государственного должностного лица избежать имеющих для суда последствий в связи с проводимой политикой государственного терроризма на основании концепции иммунитета суверена. Однако, как со всей определенностью показала практика трибуналов в период после второй мировой войны, а также созданных недавно трибуналов по бывшей Югославии и Руанде, иммунитет суверена не распространяется на военные преступления, преступления геноцида или преступления против человечности. По мнению Специального докладчика, сюда же можно было бы добавить государственный терроризм, хотя, как уже оговаривалось выше, во многих случаях государственного терроризма речь идет о совершении государством либо военных преступлений, либо преступлений против человечности или же геноцида против собственного народа или граждан другого государства¹⁷⁶. И все же Римским статутом Международного уголовного суда не охватываются акты государственного терроризма, совершаемые вне контекста вооруженного конфликта или политики геноцида.

D. Выдача

125. Один из подходов международного сообщества к решению проблемы безнаказанности заключается в выдаче лиц, подозреваемых в совершении террористических актов, от одного государства другому юридически заинтересованному государству. В международных документах по борьбе с терроризмом и большинстве ныне действующих региональных всеобъемлющих конвенций по проблеме терроризма вопросу выдачи уделяется повышенное внимание, в значительной степени по той причине, что выдача почти повсеместно рассматривается как весьма действенное средство предотвращения безнаказанности и, как следствие, уменьшения масштабов терроризма. Страх перед выдачей государству, являющемуся объектом их актов, или государству, где за совершение подобных деяний предусматривается судебное преследование, по общему признанию, служит мощным сдерживающим фактором для потенциальных террористов. Поэтому крайне важно, чтобы лица, намеревающиеся совершить террористический акт, знали, что в случае их задержания они непременно предстанут перед судом. Такие люди должны также сознавать взаимосвязь, существующую между правом на политическое убежище и эволюционирующими правовыми нормами, касающимися терроризма, по которым лица, совершившие террористические акты, не могут рассчитывать на получение

убежища¹⁷⁷. Следовательно, международный режим на основе действующих законов о выдаче, при котором лица, совершившие террористические акты, нигде не могут чувствовать себя в безопасности, видится как действенный фактор сдерживания террористических актов.

126. Безусловно, требования одного государства к другому государству о передаче ему лиц, обвиняемых первым в совершении террористических актов, подлежат самому тщательному рассмотрению. Аналогичным образом, в тех случаях, когда требования о выдаче сопряжены с задействованием судебных процедур, суды должны тщательно взвешивать все обстоятельства в порядке обеспечения правильного применения, среди прочего, норм гуманитарного права.

127. Требования о выдаче могут также порождать коллизии в плане наличия достаточно серьезных оснований для возбуждения дела, бремени доказывания и в связи с прочими процессуальными вопросами, не оговоренными всесторонним образом в региональных конвенциях. Наличие подобных коллизий может приводить к отказу в удовлетворении требования о выдаче. Запрашиваемые государства или предполагаемые исполнители могут также выдвигать различные возражения со ссылкой на "неудобство места подсудности". Например, запрашиваемое государство может отказываться в передаче предполагаемого исполнителя преступления тому или иному государству, которое могло бы непосредственным образом или через посредство своей судебной системы действовать в нарушение прав обвиняемого. Показательными в этом отношении являются меры по предупреждению возвращения запрашиваемых лиц тем государствам, где существует смертная казнь. Имеется ряд других факторов, касающихся соблюдения прав человека, которыми может руководствоваться запрашиваемое государство при санкционировании выдачи. Поэтому крайне важно, чтобы применяемая государствами практика и их судебная система полностью соответствовали нормам международного права прав человека и гуманитарного права во избежание того, чтобы такой превентивной мере и такому правовому средству борьбы с терроризмом, каким является выдача, не был нанесен ущерб.

V. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

128. Как Комиссия, так и Подкомиссия просили Специального докладчика рассмотреть другие вопросы, касающиеся терроризма, обсуждением которых целесообразнее всего заниматься в рамках настоящего исследования, поскольку они обеспечивают реальные средства сокращения масштабов терроризма. Большинство этих вопросов имеет непосредственное отношение к правам человека и нормам гуманитарного права.

129. При анализе современного терроризма можно в обобщенном виде констатировать, что чем лучше у государств обстоит дело с правами человека, тем менее высока для них вероятность столкнуться с проблемами внутригосударственного терроризма. По аналогии, государства, международные отношения которых в наибольшей мере согласуются с целями и принципами Устава, скорее всего в наименьшей степени окажутся затронутыми международным терроризмом. Следовательно, со всей очевидностью напрашивающимся шагом по пути к уменьшению терроризма является полное осуществление прав человека и практика проведения подлинных демократических преобразований по всему миру, причем как между государствами, так и в рамках каждого государства. Необходимо всячески стремиться к обеспечению более четкого осуществления прав человека, особенно в том, что касается самоопределения, расизма, внутригосударственного этнического и политического представительства, а также экономического или культурного разделения общества на классы.

130. Таким образом, нарушения прав человека, норм гуманитарного права и основных принципов Устава относятся к числу главных первопричин терроризма. Как уже отмечалось выше в настоящем докладе о ходе работы, уделение пристального внимания первопричинам терроризма является одной из обязанностей всех государств в связи с вопросом о терроризме и правах человека. Учет таких причинных факторов мог бы привести в итоге к уменьшению числа террористических актов. Следовательно, надлежит отказаться от предлагаемого некоторыми государствами подхода к рассмотрению причинных факторов как "узаконивающих" террористические группы, и тщательное изучение таких факторов должно стать важнейшим логическим компонентом любого плана действий по борьбе с терроризмом, особенно что касается проблемных областей или ситуаций, чреватых повышенной опасностью совершения террористических актов.

131. Полное осуществление прав человека предполагает также достижение экономической сбалансированности между государствами, включая право на развитие. Аналогичным образом, следует более упорно стремиться к улучшению отношений между государствами, и не только потому, что это диктуется Уставом, но и поскольку это имеет важнейшее значение для осуществления прав человека в глобальном масштабе, как указывается в статье 28 Всеобщей декларации: совершенно очевидно, что международный порядок, порождающий террористические акты, едва ли можно квалифицировать как "социальный и международный порядок, при котором права и свободы, изложенные в [настоящей] Декларации, могут быть полностью осуществлены".

132. В процессе своей работы Специальный докладчик пришла к осознанию того, что по своим масштабам и сфере охвата данная тема, возможно, превосходит прочие темы, являющиеся предметом рассмотрения Подкомиссии. В настоящем докладе о ходе работы

она попыталась подвести теоретическую базу под некоторые из многих сложных вопросов, имеющих отношение к исследованию по проблеме терроризма и прав человека, с уделением внимания вопросам, поднятым Комиссией и Подкомиссией. Однако из-за ограничений, установленных в отношении объема докладов Подкомиссии, Специальному докладчику не удалось полностью осветить все вопросы, которые, по ее мнению, следовало бы охватить в рамках настоящего доклада о ходе работы.

133. Требуется проведение гораздо более обстоятельной оценки многих аспектов, касающихся выдачи в контексте терроризма. Как уже упоминалось, в заключенных в последнее время региональных конвенциях на вопросе выдачи делается особый акцент. Более пристального внимания заслуживает также вопрос о защите иммунитета суверена в тех случаях, когда какой-либо государственный субъект обвиняется в совершении актов государственного терроризма, тем более что в связи с рядом недавних или еще неразрешенных дел международному сообществу пришлось вплотную столкнуться с ним. Кроме того, Специальный докладчик хотела бы проанализировать некоторые из ныне рассматриваемых или недавно завершенных дел, касающихся международного терроризма, и она считает, что в контексте выработки определения весьма полезным был бы также разбор всех существующих всеобъемлющих региональных договоров по проблеме терроризма. Наконец, но не в последнюю очередь, до подготовки окончательного доклада ей хотелось бы довести до конца рассмотрение проблемы субгосударственного (или индивидуального) терроризма и связанного с этим вопроса об ответственности негосударственных субъектов.

134. В свете весьма широкого круга тем, требующих более внимательного изучения, Специальный докладчик рекомендует Подкомиссии рассмотреть вопрос о поручении ей подготовки второго доклада о ходе работы.

Сноски

¹ Историческую справку о международных действиях по борьбе с терроризмом Специальный докладчик дает в своем рабочем документе (E/CN.2/Sub.2/1997/28, пункт 4) и своем предварительном докладе (E/CN.4/Sub.2/1997/27, пункты 6-13).

² Как хорошо известно, в прошлом Совет Безопасности занимался рассмотрением только отдельных случаев международного терроризма. К рассмотрению же проблемы международного терроризма в целом Совет Безопасности подошел в заявлении, сделанном по случаю заседания Совета Безопасности на уровне глав государств и правительств от 31 января 1992 года, в котором члены Совета Безопасности выразили свою глубокую озабоченность по поводу актов международного терроризма и подчеркнули необходимость принятия международным сообществом эффективных мер в отношении всех подобных актов (S/23500 от 31 января 1992 года).

³ К числу специальных комитетов, учрежденных ранее Генеральной Ассамблеей с целью изучения или решения вопросов или учета аспектов борьбы против международного терроризма, относились Специальный комитет по вопросам международного терроризма (резолюция 3034 (XXVII) Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1972 года) и Специальный комитет по разработке международной конвенции по борьбе с захватом заложников (резолюция 31/103 Генеральной Ассамблеи от 15 декабря 1976 года), оба в составе 35 государств. См. также E/CN.4/Sub.2/1999/27, пункт 11, и сноски 10 и 11.

⁴ См. доклад Специального комитета, учрежденного на основании резолюции 51/210 Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1996 года, четвертая сессия (14-18 февраля 2000 года) (A/55/37).

⁵ Там же, пункты 20-25.

⁶ Там же, пункт 26.

⁷ В их число входят: Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов, подписанная в Токио 14 сентября 1963 года (вступила в силу 4 декабря 1969 года); Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, подписанная в Гааге 16 декабря 1970 года (вступила в силу 14 октября 1971 года); Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, заключенная в Монреале 23 сентября 1971 года (вступила в силу 26 января 1973 года); Конвенция о предотвращении и наказании

преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 14 декабря 1973 года (вступила в силу 20 февраля 1977 года); Международная конвенция о борьбе с захватом заложников, принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 17 декабря 1979 года (вступила в силу 3 июня 1983 года); Конвенция о физической защите ядерного материала, подписанная в Вене 3 марта 1980 года (вступила в силу 8 февраля 1987 года); Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, дополняющий Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, подписанный в Монреале 24 февраля 1988 года (вступил в силу 6 августа 1989 года); Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, подписанная в Риме 10 марта 1988 года (вступила в силу 1 марта 1992 года); Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, подписанный в Риме 10 марта 1988 года (вступил в силу 1 марта 1992 года); Конвенция о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения, совершенная в Монреале 1 марта 1991 года (вступила в силу 21 июня 1998 года); Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом, принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 15 декабря 1997 года (еще не вступила в силу); Международная конвенция о финансировании терроризма, принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 9 декабря 1999 года (еще не вступила в силу); Арабская конвенция о пресечении терроризма, подписанная на совещании в Генеральном секретариате Лиги арабских государств в Каире 22 апреля 1998 года; Конвенция Организации Исламская конференция о борьбе с международным терроризмом, принятая в Уагадугу 1 июля 1999 года (еще не вступила в силу); Европейская конвенция о пресечении терроризма, заключенная в Страсбурге 27 января 1977 года (вступила в силу 4 августа 1978 года); Конвенция ОАГ о предупреждении и наказании за совершение актов терроризма, принимающих форму преступлений против лиц, и связанного с этим вымогательства, когда эти акты носят международный характер, подписанная в Вашингтоне, О.К., 2 февраля 1971 года (вступила в силу 16 октября 1973 года); Конвенция ОАЕ о предупреждении терроризма и борьбе с ним, принятая в Алжире 14 июля 1999 года (еще не вступила в силу); Региональная конвенция СААРК о пресечении терроризма, подписанная в Катманду 4 ноября 1987 года (вступила в силу 22 августа 1988 года); Договор о сотрудничестве в борьбе с терроризмом между государствами - членами Содружества Независимых Государств, совершенный в Минске 4 июня 1999 года (вступил в силу с даты его подписания для тех участников, по законодательству которых для этого не требуется выполнение внутригосударственных процедур).

- ⁸ См. доклад Рабочей группы (A/C.6/55/L.2 от 19 октября 2000 года).
- ⁹ Европейский парламент, резолюция A5-0050/2000 от 16 марта 2000 года.
- ¹⁰ Там же, пункты 41-42.
- ¹¹ См. A/54/917-S/2000/580, приложение.
- ¹² См. A/54/637-S/1999/1204 от 11 октября 2000 года..
- ¹³ ОИК, девятая Конференция на высшем уровне (Катар, 2000 года), Дохинская декларация.
- ¹⁴ См. E/CN.4/Sub.2/1999/27, пункты 7-12 и 41-42 и E/CN.4/Sub.2/1997/28, пункты 11 и 17.
- ¹⁵ См., например, A.P. Schmid, Political Terrorism: A Research Guide to Concepts, Theories, Data Bases and Literature, Amsterdam, North-Holland Publishing Co., 1983, pp. 119-152, где приводится 109 определений терроризма, и J.F. Murfy, "Defining international terrorism: a way out of the quagmire", Israel Yearbook on Human Right, vol. 19 (2989), p. 13, где упоминается еще один видный специалист по вопросам терроризма, Уолтер Лакер, который указал, что только за период с 1936 по 1981 годы было предложено 109 различных определений терроризма. С тех пор число таких определений значительно возросло, в том числе полдюжины определений, каждое из которых отличалось от другого, было предложено правительством Соединенных Штатов Америки.
- ¹⁶ J.J. Lambert, Terrorism and Hostages in International Law, Cambridge, Grotius Publications Ltd., 1990, p. 13.
- ¹⁷ См. например, G. Guillaume, "Terrorism et droit international", Collected Courses of The Hague Academy of International Law, vol. 215 (1989-III), p. 295, и G. Wardlaw, Political Terrorism: Theory, tactics and counter-measures, Cambridge, Cambridge University Press, 1982, pp. 4-5.
- ¹⁸ E/CN.4/Sub.2/1997/28, пункт 17.
- ¹⁹ E/CN.4/Sub.2/1999/27, пункт 43.

- 20 Там же, пункт 42.
- 21 E/CN.4/Sub.2/1997/SR.33, пункт 68.
- 22 E/CN.4/Sub.2/1997/SR.33, пункт 72.
- 23 E/CN.4/Sub.2/1997/SR.34, пункт 22. См. вместе с тем текст выступления того же эксперта в E/CN.4/Sub.2/1996/SR.35, пункт 11, и см. также E/CN.4/Sub.2/1999/SR.27, пункт 71, где тот же самый эксперт, признавая трудности в деле выработки определения, выражает удовлетворение по поводу того, что Специальный докладчик намечает лишь предварительные определения, причем сугубо "для целей настоящего исследования".
- 24 E/CN.4/Sub.2/1999/SR.26, пункт 56.
- 25 E/CN.4/Sub.2/1997/SR.33, пункт 40.
- 26 E/CN.4/Sub.2/1999/SR.26, пункт 66.
- 27 См., например, выступления г-на И. Максима и г-на И. Альфонсо Мартинеса в E/CN.4/Sub.2/1997/SR.33, пункты 44 и 76-77, соответственно.
- 28 Г-н Э. Фикс Самудио, там же, пункт 42.
- 29 Г-н М. Боссайт, там же, пункт 48.
- 30 Г-н М Боссайт в E/CN.4/Sub.2/1999/SR.26, пункт 66.
- 31 Г-н С. Сорабджи в E/CN.4/Sub.2/1999/SR.27, пункт 82.
- 32 Г-жа Ф. Хампсон, там же, пункты 23-25.
- 33 Г-н Р.К.В. Гунесекере, там же, пункт 78.
- 34 Г-н А. Айде в E/CN.4/Sub.2/1999/SR.30, пункт 39.
- 35 Г-жа Х. Варзази в E/CN.4/Sub.2/1995/SR.11, пункт 41.

³⁶ См. Lambert, note 16 supra, p. 13, Wardlaw, note 17 supra, pp. 4-6, и R.E. Rubenstein, Alchemists of Revolution: Terrorism in the Modern World, New York, Basic Books Inc., 1987, p. 17.

³⁷ Выше, сноска 3.

³⁸ См. также F.J. Hacker, Crusaders, Criminals, Crazies: Terror and Terrorism in Our Time, New York, W.W. Norton and Co., 1976, где используются термины "террор сверху" и "террор снизу", на которые ссылается Wardlaw, сноска 17 выше, p. 69.

³⁹ Емкую историческую справку по проблеме терроризма целесообразнее всего почерпнуть в R.A. Friedlander, Terrorism: Documents of International and Local Control, vol. I, New York, Oceana Publications, 1979, p. 1 ff.

⁴⁰ См., например, Guillaume, сноска 17 выше, pp.296-297, а также исследование, подготовленное секретариатом Организации Объединенных Наций для Шестого комитета и озаглавленное "Меры по предотвращению международного терроризма, который угрожает жизни невинных людей или приводит к их гибели, или ставит под угрозу основные свободы, и изучение коренных причин этих форм терроризма и актов насилия, проистекающих из нищеты, безысходности, бед и отчаяния и побуждающих некоторых людей жертвовать человеческими жизнями, включая и свои собственные, в стремлении добиться радикальных перемен" (A/C.6/418 от 2 ноября 1972 года).

⁴¹ См. пункты 51-67.

⁴² См., в целом, A. Sobuol, The French Revolution 1787-1799, New York, Vintage, 1975.

⁴³ См., в целом, W. Laqueur, Terrorism, Boston, Little, Brown and Company, 1977, p. 11 ff.

⁴⁴ См., в целом, Wardlaw, сноска 17 выше, p. 25 ff., и W. Laqueur The New Terrorism: Fanaticism and the Arms of Mass Destruction, Oxford, Oxford University Press, 1999, p. 56 ff.

⁴⁵ Для уяснения различия между понятиями "террор" и "терроризм" см. International Encyclopedia of Terrorism, Chicago and London, Fitzroy Dearborn Publishers, 1997, p. 13. См. также Wardlaw, note 17 supra, pp. 9-13.

⁴⁶ Выше, пункт 37. См. также W.D. Purdue, Terrorism and the State. A Critique of Domination through Fear, New York, Praeger, 1989, p. 33 ff.

⁴⁷ Ibid., p. 38 ff. По утверждению изгнанного с родины советского писателя Александра Солженицына, Иосиф Сталин использовал КБГ и бюрократический аппарат (суды, тюрьмы и т.д.) для насаждения террора, проведения чисток и уничтожения свыше 15 млн. крестьян, коммунистов, военнопленных и представителей этнических меньшинств. См. L. Kuper, Genocide: Its Political Use in the Twentieth Century, New Haven, Yale University Press, 1982, p. 141.

⁴⁸ См., в целом, International Encyclopedia of Terrorism, сноска 45 выше, p. 102, а также Perdue, сноска 46 выше, p. 36 ff. См. также Department of State, Report of Robert H. Jackson, United States Representative to the International Conference on Military Trials (1949), p. 4: "Преступный характер деятельности германских лидеров и их сообщников проистекает не только из вопиющей незаконности их поведения, но и является прямым следствием систематического и планомерного насаждения террора".

⁴⁹ International Encyclopedia of Terrorism, note 45 supra, pp. 688-689. См. также "Международная амнистия", Political Killings by Governments, London, Amnesty International, 1983, p. 44.

⁵⁰ International Encyclopedia of Terrorism, сноска 45 выше, pp. 686-687.

⁵¹ См., в целом, J. Simpson, J. Bennett, The Disappeared and the Mothers of the Plaza, New York, St. Martin's Press, 1985, а также вступительные замечания М. Столя и Г. А. Лопеса в М. Stohl, G.A. Lopez, eds., The State as Terrorist. The Dynamics of Governmental Violence and Repression, Westport, Conn., Greenwood Press, 1984, p. 4.

⁵² Выше, сноска 38.

⁵³ См., например, вступительные замечания профессора К. Бассиуни, Председателя Группы "Права человека и новые инициативы в деле борьбы с терроризмом", в American Society of International Law: Proceedings of the 79th Annual Meeting, New York, 1985, p. 289.

⁵⁴ См. Guillaume, сноска 17 выше, p. 298. См. также третий пункт преамбулы и статью 30 Всеобщей декларации прав человека. Perdue, note 46 supra, pp. 17-19, со ссылкой на выдвинутую Максом Вебером теорию узаконивания по соображениям правовой обоснованности, подкрепляемую на примере соответствующей системы правовых норм, воплощением которой являются бюрократические формы управления, скептически воспринимает взаимосвязь между терроризмом и современным государством в трактовке Вебера и полагает, что государственная власть может довольно

"систематически" задействоваться для поддержания дисбаланса и сохранения перекосов, причем не только на внутригосударственном уровне, но и в глобальном масштабе.

⁵⁵ См., в целом, R. Falk, Revolutionaries and Functionaries, New York, E.P. Dutton, 1988.

⁵⁶ Lambert, сноска 16 выше, р. 15, сноска 13.

⁵⁷ Положением Устава Организации Объединенных Наций, касающимся внутренней компетенции государства, предусматривается следующее: "Настоящий Устав ни в коей мере не дает Организации Объединенных Наций права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства".

⁵⁸ См., например, M.N. Shaw, International Law, 4th ed., Cambridge, Cambridge University Press, 1997, р. 202.

⁵⁹ Процесс развития соответствующих правовых норм можно проиллюстрировать - причем отнюдь не исчерпывающим образом - на примере нескольких ярких примеров: это Международный билль о правах человека (который включает в себя Всеобщую декларацию прав человека, а также Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Международный пакт о гражданских и политических правах), Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Американская конвенция о правах человека и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод.

⁶⁰ Shaw, сноска 58 выше, р. 204.

⁶¹ Guillaume, сноска 17 выше, р. 298.

⁶² Ibid., р. 299.

⁶³ См. H.-P. Gasser, "Prohibition of terrorist acts in international humanitarian law", выдержка из International Review of the Red Cross, 1986, pp. 6-7.

⁶⁴ См., например, Prosecutor v. Dusko Tadic a/k/a "Dule", Decision of 2 October 1995 on the Defence Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction, para. 141, а также Prosecutor v. Dusko Tadic, решение Апелляционной палаты от 15 июля 1999 года, пункт 251, Международный трибунал по судебному преследованию лиц, ответственных за серьезные

нарушения норм международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 года, где утверждается, что, согласно обычному международному праву, совершение преступлений против человечества возможно и в мирное время.

⁶⁵ См. М. Crenshaw, J. Pimlott, eds., Encyclopedia of World Terrorism, vol. I, New York, Sharpe Reference, 1997, p. 206.

⁶⁶ См. также Lambert, сноска 16 выше, p. 19.

⁶⁷ Encyclopedia of World Terrorism, vol. I, сноска 65 выше, p. 206.

⁶⁸ Например, после воссоединения Германии в 1990 году вскрылись факты, свидетельствующие о том, что в лагерях на территории Восточной Германии велась активная подготовка террористов левого толка. Завербованные лица обучались там применению стрелкового оружия и взрывчатых веществ, а также методам сбора разведывательных данных, наблюдения и планирования операций. См. International Encyclopedia of Terrorism, сноска 45 выше, p. 681.

⁶⁹ W. Laqueur, The Age of Terrorism (1987), pp. 268-269, как он цитируется Lambert, сноска 16 выше, p. 19 и сноска 33.

⁷⁰ См., например, Nonviolent Responses to Violence-Prone Problems: The Cases of Disputed Maritime Claims and State-Sponsored Terrorism, доклады двух специальных комитетов Американского общества по вопросам международного права, Studies in Transnational Legal Policy, No. 22, Washington, D.C., The American Society of International Law, 1991, p. 18 ff., и Encyclopedia of World Terrorism, vol. I, сноска 65 выше, pp. 206-207.

⁷¹ См., в целом, Nonviolent Responses to Violence-Prone Problems, сноска 70 выше, pp. 18-19; G. Wardlaw, Political Terrorism: Theory, Tactics and Counter-measures, 2nd revised ed., Cambridge, Cambridge University Press, 1989, p. 175 ff.; M. Stohl, "International dimensions of State terrorism", in Stohl and Lopez, сноска 51 выше, pp. 43-58; W. Laqueur, "Reflections on terrorism", Foreign Affairs, 1986, Fall, vol. 65, pp. 86-100; P. Wilkinson "State-Sponsored international terrorism: the problems of response", The World Today, 1984, July, pp. 292-298.

⁷² См., например, Laqueur, сноска 44 выше, p. 156 ff.

⁷³ См. International Encyclopedia of Terrorism, сноска 45 выше, p. 677.

74 Ibid.

75 См. В. М. Jenkins, New Modes of Conflict, Santa Monica, California, RAND Publications Series R-3009-DNA, 1983, p. v. В этой полуофициальной публикации корпорации "РЭНД" видный эксперт по проблеме терроризма, со ссылкой на "косвенные приемы ведения войны", пишет следующее: "К числу косвенных приемов ведения войны относятся скрытые и тайные военные операции, проводимые любыми формированиями, кроме регулярных вооруженных сил той или иной страны, предоставление убежища и помощи повстанцам из соседней страны, оказание поддержки - включая подчас оперативное руководство действиями - террористическим группам, выступающим против режима соперника или противника, а также использование правительством террористической тактики, как, например, убийство иностранных недругов или неугодных иммигрантов".

76 См., например, P. Wilkinson, Terrorism and the Liberal State (2nd ed.), London, Macmillan, 1986, p. 277 ff., и Lambert, сноска 16 выше, p. 20.

77 J. F. Murphy, State Support of International Terrorism: Legal, Political and Economic Dimensions, Boulder, Colorado, Westview Press, 1989, p. 36, который со ссылкой на понятие "конфликт малой интенсивности", определение которому было дано американскими военными стратегами, пишет далее (p. 37) следующее: "широкий термин, под которым понимается военно-политическая борьба, за исключением обычных боевых действий между национальными вооруженными силами, направленная на достижение политических, социальных, экономических или психологических целей. Она зачастую носит затяжной характер, и ее приемы варьируются от дипломатических, экономических и социально-психологических методов давления до терроризма и партизанской войны".

78 См., например, Wardlaw, сноска 71 выше, p. 182 ff.

79 Там же, а также Falk, сноска 55 выше, pp. 136-137.

80 Wardlaw, сноска 71 выше, p. 175.

81 Например, бывший заместитель Государственного секретаря Соединенных Штатов Дж. Болл в "Shultz is wrong on terrorism", The Gainesville Sun, 27 December 1984, p. 11A отмечает следующее: "Терроризм, пользующийся государственной поддержкой, угрожает международному порядку в целом, и если мы намерены добиться сохранения хотя бы минимальной стабильности в мире, нам необходимо подвергать ostracism любую страну, потворствующую ему. Вместе с тем следует проявлять осмотрительность, с тем

чтобы, поддавшись панике и злобе, не встать на путь ответного террора и международного закона Линча, уронив тем самым престиж нации как скатившейся до омерзительного уровня террористов". Приводится по С. W. Kegley, Jr., T. Vance Sturgeon, and E. R. Wittkopf, "Structural terrorism: the systemic sources of State-sponsored terrorism", в М. Stohl, G. A. Lopez, Terrible Beyond Edurance? - The Foreign Policy of State Terrorism, New York, Greenwood Press, 1988, p. 27.

82 Что касается высказываемых серьезных предостережений против принятия чрезмерно суровых мер в отношении терроризма, пользующегося государственной поддержкой, см., в целом, Фальк, сноска 55 выше, и Уордлоу, сноска 71 выше.

83 По данному вопросу см., например, Nonviolent Responses to Violence-Prone Problems, сноска 70 выше, p. 24 ff., и Murphy, сноска 77 выше, pp. 55-111. См. также, в более общем плане, Guillaume, сноска 17 выше, pp. 373-406.

84 См. пункты 7, 38-39 предварительного доклада Специального докладчика (E/CN.4/Sub.2/1999/27). См. также материалы по делу Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America), Merits, Judgment, I.C.J. Reports 1986, в котором Международный суд признал за данным документом статус нормы обычного международного права (пункты 188, 191-192). Кроме того, хотя проблема терроризма и не являлась основным предметом проводимого разбирательства, некоторые из сделанных Судом выводов имеют весьма недвусмысленное, хотя и опосредованное, отношение к вопросу государственной поддержки терроризма. Так, например, Суд признал, что Соединенные Штаты, оказывая помощь "контрас", которые в своей деятельности прибегают к угрозе силой и ее применению, а также "занимаясь подготовкой, поставляя оружие и снаряжение, осуществляя финансирование и снабжение сил "контрас" или иным образом поощряя, поддерживая и содействуя военной и полувоенной деятельности в Никарагуа и против нее", нарушают свои обязательства по обычному международному праву не применять силу против другого государства и не вмешиваться во внутренние дела другого государства (пункты 228, 238 и 292).

85 Небезынтересно отметить, что международное соглашение о принципе, согласно которому государства несут ответственность за непроведение, неоказание поддержки и непоощрение террористической деятельности против других государств, уже было достигнуто в рамках Лиги Наций. См. статью I несостоявшейся Конвенции о предупреждении терроризма и наказании за него, принятой под ее эгидой 16 ноября 1937 года (документ Лиги Наций с. 546 (I). М. 383 (I). 1937. v). Кроме того, в 1934 году Совет вынес решение, что государства обязаны не поощрять и не терпеть на своей территории террористическую деятельность, направленную против других государств.

См. 1934 League of Nations Official Journal 1839, упомянутый в Lambert, сноска 16 выше, р. 29, note 82. Такие запреты закреплены также в пунктах f) и g) статьи 3 резолюции 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 года, где приводится определение агрессии, а также в резолюции 2734 (XXV) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1970 года, озаглавленной "Декларация об укреплении международной безопасности", в которой Генеральная Ассамблея "торжественно подтверждает..., что каждое государство обязано воздерживаться от организации, подстрекательства, оказания помощи или участия в актах гражданской войны или террористических актах в другом государстве".

⁸⁶ См. также Guillaume, сноска 17 выше, р. 299.

⁸⁷ Stohl, сноска 71 выше, р. 43.

⁸⁸ Там же, р. 44 ff., Kegley, Vance Sturgeon, Wittkopf, сноска 81 выше, р. 22 ff. См. также Lambert, сноска 16 выше, р. 16, и Falk, сноска 55 выше, pp. 170-171.

⁸⁹ Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, двадцать восьмая сессия, Дополнение № 28 (A/9028), 1973 год, пункт 24. См. также там же, пункт 38, и T.M. Frank, B.B. Lockwood, Jr., "Preliminary thoughts towards an international convention on terrorism", *The American Journal of International Law*, vol. 68 (1974), pp. 73-74.

⁹⁰ Lambert, сноска 16 выше, р. 16.

⁹¹ Там же, со ссылкой также на Stohl, сноска 71 выше, р. 48.

⁹² Показательным примером служит инцидент "Рейнбоу уориор", в котором агенты французской разведки оказались вовлеченными в акт терроризма, совершенный в 1985 году в порту Окленд (Новая Зеландия), в результате которого было уничтожено принадлежащее организации "Гринпис" судно "Рейнбоу уориор", принимавшее участие в акции протеста против проведения Францией ядерных испытаний в южной части Тихого океана. Непреднамеренным следствием этого акта явилась гибель одного из членов экипажа. Правительство Франции принесло свои извинения, согласилось в итоге на задействование примирительной процедуры под эгидой Генерального секретаря Организации Объединенных Наций и приняло на себя определенные финансовые обязательства в связи с гибелью члена экипажа.

⁹³ Показательный пример такого недифференцированного подхода см. в тексте, о котором говорится в сноске 89 выше.

⁹⁴ См., в целом, International Encyclopedia of Terrorism, сноска 45 выше; Friedlander, сноска 39 выше; R.H. Kupperman, D.M. Trent, eds., Terrorism: Threat, Reality, Response, Stanford, California, Hoover Institution Press, 1980; A.E. Evans, J.F. Murphy, eds., Legal Aspects of International Terrorism, Lexington, Massachusetts, Lexington Books, 1978; W.M. Reisman, "International legal responses to terrorism", Houston Journal of International Law, vol. 22, No. 1 (1999), p. 50 ff.; и Rubenstein, сноска 36 выше. См. также Lambert, сноска 16 выше, p. 15; Stohl and Lopez, сноска 51 выше, p. 3; а также Schmid, сноска 15 выше, pp. 104-105, который считает, что, вероятно, свыше 90% литературы по проблеме терроризма посвящено негосударственному терроризму.

⁹⁵ Лакер, сноска 69 выше, которого цитирует Lambert, сноска 16 выше, pp. 14-15, note 11.

⁹⁶ E/CN.4/Sub.2/1997/28, пункты 14-16; E/CN.4/Sub.2/1999/27, пункты 44-45.

⁹⁷ В контексте практически всех предпринимаемых на сегодняшний день Организацией Объединенных Наций усилий неизменно упоминается, что вооруженный конфликт не является формой терроризма. Так, например, в первом докладе Первого специального комитета по вопросам международного терроризма (сноска 89 выше, пункт 37) упоминается о том, что Комитет не должен заниматься рассмотрением актов, вытекающих из вооруженного конфликта.

⁹⁸ См., например, E/CN.4/Sub.2/1997/28, пункт 11.

⁹⁹ Например, в пункте а) статьи 2 Конвенции ОИК предусматривается следующее: "Борьба народов, в том числе вооруженная борьба против иностранной оккупации, агрессии, колониализма и господства, направленная на освобождение и самоопределение в соответствии с принципами международного права, не должна квалифицироваться в качестве такого преступления, как терроризм". В Конвенции ОАЭ аналогичное положение излагается в пункте 1 статьи 3 следующим образом: "...борьба, которую ведут народы в соответствии с принципами международного права за свое освобождение или самоопределение, в том числе вооруженная борьба против колониализма, оккупации, агрессии и господства со стороны иностранных сил, не должна квалифицироваться в качестве террористических актов".

¹⁰⁰ Необходимость проведения четкого различия между терроризмом и национально-освободительной борьбой является одним из приоритетных вопросов, причем в особенности для ОИК, что подтверждается изложенным выше. ОИК трактует прения,

ведущие по данному вопросу, как "отчаянные попытки, направленные на сглаживание четкого различия между терроризмом и законной борьбой народов, которая согласуется с принципами международного права и положениями Устава Организации Исламская конференция и Устава Организации Объединенных Наций" (резолюция 53/8-Р (IS) ОИК). В резолюции, принятой на последней встрече исламских стран на высшем уровне, термин "отчаянные" был заменен на "неистовые" (резолюция 64/9-Р (IS) ОИК). См. также, в целом, E. Chadwick, Self-determination, Terrorism and the International Humanitarian Law of Armed Conflict, The Hague, Martinus Nijhoff, 1996.

¹⁰¹ К числу основных документов в области гуманитарного права относятся следующие: Гаагские конвенции и правила 1907 года, 205 Perry's Treaty Series 277; Женевские конвенции I-IV 1949 года, 75 United Nations Treaty Series 31, 75 United Nations Treaty Series 85, 75 United Nations Treaty Series 135 и 75 United Nations Treaty Series 267 (Женевские конвенции); Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям 1949 года, 1125 United Nations Treaty Series 3 (Дополнительный протокол I); Дополнительный протокол II к Женевским конвенциям 1949 года, 1125 United Nations Treaty Series 609 (Дополнительный протокол II); Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества, 754 United Nations Treaty Series 73. Имеется также множество резолюций Генеральной Ассамблеи, касающихся прежде всего защиты гражданского населения в вооруженных конфликтах, которые также входят в свод норм права, применяемого в период вооруженных конфликтов.

¹⁰² Международный Суд особо подчеркнул общеправовое обязательство всех государств и сторон соблюдать и обеспечивать соблюдение норм гуманитарного права при любых обстоятельствах, в том числе в ситуациях, в которых государство не задействовано напрямую. См. Military and Paramilitary Action in and against Nicaragua, сноска 84 выше, пункты 113-115, а также см. пункты 151-153 (Сингх, особое мнение) и пункты 199-200 (Сетте-Камара, особое мнение). Суд признал также, что данная норма применяется вне зависимости от типа вооруженного конфликта, вынеся определение о том, что вооруженный конфликт между "контрас" и правительством Никарагуа представляет собой гражданскую войну (там же, пункт 114), и подходу к трактовке данного принципа в свете положений гуманитарного права, применяемых к гражданским войнам.

¹⁰³ Международные вооруженные конфликты традиционно рассматривались как конфликты, происходящие между двумя государствами. Однако со времени вступления в силу Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям национально-освободительные войны и борьба против расистских режимов получили отныне

юридический статус международных вооруженных конфликтов. См. статью 1 Дополнительного протокола I. К сожалению, в данной статье не дается определение расистского режима. Однако имеется множество правовых документов по правам человека, включая соответствующие договоры, которыми можно было бы воспользоваться для определения того, носит ли тот или иной конкретный режим достаточно расистский характер, позволяющий подходить к вооруженному противодействию в контексте норм гуманитарного права, при условии, что конфликт отвечает минимальным критериям гражданской войны.

¹⁰⁴ Нормы гуманитарного права применяются вне зависимости от того, имело ли место объявление войны. Началу большинства современных войн не предшествует их объявление.

¹⁰⁵ Данная статья получила всеобщее признание как дающая определение гражданской войны для целей обычного международного права.

¹⁰⁶ Дополнительный протокол II, статья 1.2.

¹⁰⁷ Согласно нормам гуманитарного права, гражданские войны не нуждаются в "обосновании" - они могут вестись по любой без исключения причине. В данном случае существенно важно установить, принимает ли вооруженная деятельность такие масштабы, чтобы она укладывалась в критерии гражданской войны. По законам и обычаям войны не запрещается и партизанская война. См., в целом, M. Veuthey, Guérilla et droit humanitaire, Geneve, Comité International de la Croix-Rouge, 1983.

¹⁰⁸ В этой связи Специальный докладчик считает целесообразным обратиться к ежегодному обзору войн (проводится с 1995 года), см. K. Parker, A. Heindel, A. Branch, Armed Conflict around the World Today: A Country by Country Review, Humanitarian Law Project/Parliamentary Human Rights Group, United Kingdom. Получить его можно также по адресу www.hri.ca/doccentre/armedconflict.

¹⁰⁹ Следует напомнить, что статьей 1.4 Дополнительного протокола I предусматривается применение норм гуманитарного права, касающихся ведения международных войн, в ситуациях, "в которых народы ведут борьбу против колониального господства и иностранной оккупации и против расистских режимов в осуществление своего права на самоопределение, закрепленного в Уставе Организации Объединенных Наций и в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций". И действительно, полемика по поводу

применения норм гуманитарного права в тех случаях, когда вопрос о самоопределении не стоит, вспыхивает редко.

¹¹⁰ Ценным руководством по вопросу о том, что в настоящее время понимается под серьезными нарушениями законов и обычаев войны, служат статуты международных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде. В четырех содержащихся в Женевских конвенциях 1949 года статьях, касающихся "серьезных нарушений" (Первая конвенция, статья 50; Вторая конвенция, статья 51; Третья конвенция, статья 130; Четвертая конвенция, статья 147), и в двух Дополнительных протоколах также указываются те действия, совершение которых в ходе вооруженных конфликтов квалифицируется как серьезное нарушение.

¹¹¹ Следует отметить, что в Женевских конвенциях содержится ряд положений, предписывающих принятие соответствующих мер в случае нарушений, например, в статьях 129-132 Третьей Женевской конвенции, которые дублируются в аналогичных статьях каждой из трех других конвенций. Генеральная Ассамблея также занимается рассмотрением вопросов, касающихся обеспечения соблюдения норм гуманитарного права. См., прежде всего, Принципы международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечества, провозглашенные Генеральной Ассамблеей в резолюции 3074 (XXVIII) от 3 декабря 1973 года.

¹¹² В Камбодже и Индонезии предпринимаются также усилия по привлечению в этих странах к суду лиц, обвиняемых в совершении преступлений в годы войны; в таких процессах могли бы принимать участие международные наблюдатели. В ряде стран обеим сторонам, совершавшим в ходе гражданских войн серьезные нарушения, была предоставлена общая амнистия.

¹¹³ См. Римский статут Международного уголовного суда, принятый 17 июля 1998 года (A/CONF.183/9). В настоящее время имеются в наличии лишь 27 из 60 документов о ратификации, требуемых для вступления договора в силу. Однако даже в этих условиях Подготовительному комитету удалось завершить работу над текстом элементов преступлений геноцида, военных преступлений и преступлений против человечества (см. PCNICC/2000/1/Add.2).

¹¹⁴ См., например, статью 49 Первой Женевской конвенции 1949 года. Аналогичные статьи, причем в той же самой формулировке, содержатся и в трех других Женевских конвенциях 1949 года.

115 Оккупирующие государства зачастую провозглашают террористическими актами даже такие пользующиеся международной защитой действия, как мирный протест или предоставление гуманитарной помощи.

116 Совершенно очевидно, что, согласно нормам гуманитарного права, в случае притязания на самоопределение для их задействия требуется наличие гораздо менее крупного по масштабам вооруженного конфликта (или даже его отсутствие как такового), чем, возможно, и объясняется, почему столь многие группы стремятся воспользоваться таким предложением.

117 Среди исследователей все более широкую популярность - особенно после марта 1995 года, когда члены японской секты Аум Синрикё прибегли к распылению в токийском метро нервно-паралитического газа зарин - приобретает мысль о вероятной, причем колоссальной, эскалации масштабов террористической деятельности с применением нетрадиционных видов оружия. См., в целом, В. Roberts, ed., Terrorism with Chemical and Biological Weapons: Calibrating the Risks and Responses; Alexandria, Virginia, The Chemical and Biological Arms Control Institute, 1997; J.K. Campbell, Weapons of Mass Destruction Terrorism, Seminole, Florida, Interpact, 1997; E.M. Spiers, "Chemical and biological terrorism", in Brassey's Defence Yearbook 1996, London and Washington, Brassey's, 1996, pp. 254-272; В. Hoffman, Inside Terrorism, New York, Columbia University Press, 1998; В. Hoffman, "Terrorism and the WMD: some preliminary hypotheses", The Nonproliferation Review, Spring-Summer 1997, pp. 45-53; Laqueur, op. cit, note 44 supra; W. Laqueur, "Postmodern terrorism", Foreign Affairs, Sep/Oct 1996, pp. 24-36; A. Carter, J. Deutch and P. Zelikow, "Catastrophic terrorism: tackling the new danger", Foreign Affairs, Nov/Dec 1998, pp. 80-94; J. Stern, The Ultimate Terrorists, Cambridge, Harvard University Press, 1999; G. Schweitzer, Superterrorism: Assassins, Mobsters and Weapons of Mass Destruction, New York, Plenum Press, 1998.

118 Аналогичные выводы см., например, у А.Е. Smithson and L.-A. Levy, Ataxia: The Chemical and Biological Terrorism Threat and the US Response, Report No. 35, The Henry L. Stimson Center, Washington, 2000; E. Sprinzak, "The great superterrorism scare", Foreign Policy, Fall 1998, pp. 110-124; В.М. Jenkins, "Will terrorists go nuclear?" Orbis, Autumn 1985, pp. 507-515; В.М. Jenkins, "The limits of terror: constraints on the escalation of violence", Harvard International Review, Summer 1995, p. 44; D. Claridge, "Exploding the myths of superterrorism", in M. Taylor and J. Horgan, eds., The Future of Terrorism, London, Frank Cass, 2000, pp. 133-148.

¹¹⁹ Что касается особенно мрачных прогнозов в рамках сценариев наихудшего развития событий, см., например, Carter and others, сноска 117 выше, р. 81 и Stern, сноска 117 выше, pp. 1-4.

¹²⁰ Общедоступную техническую информацию по химическому оружию см. у Smithson and Levy, сноска 118 выше, р. 29; J.B. Tucker, ed., Toxic Terror: Assessing Terrorist Use of Chemical and Biological Weapons, Monterey Institute of International Studies, Cambridge, Massachusetts, MIT Press, 2000, pp. 3-6; Stern, сноска 117 выше, р. 167. Что касается более обстоятельной и точной технической информации, см. US Congress, Office of Technology Assessment, Technologies Underlying Weapons of Mass Destruction, OTA-BP-ISC-115, US Government Printing Office, Washington, D.C., December 1993.

¹²¹ Laqueur, note 44 supra, p. 59; Smithson and Levy, сноска 118 выше, р. 29.

¹²² См., например, Spiers, сноска 117 выше, pp. 257 и 263, а также Smithson and Levy, сноска 118 выше, р. 31, где приводится диаграмма с указанием коммерческих видов применения прекурсоров химического оружия.

¹²³ Ibid., p. 32.

¹²⁴ R.A. Falkenrath, R.D. Newman, B.A. Thayer, America's Achilles' Heel: Nuclear, Biological, and Chemical Terrorism and Covert Attack, Cambridge, Massachusetts, MIT Press, 1998, p. 102.

¹²⁵ См., в целом, A.E. Smithson, Separating Fact from Fiction: The Australia Group and the Chemical Weapons Convention, Washington, D.C., Henry L. Stimson Center, 1997.

¹²⁶ См. Tucker, сноска 120 выше, pp. 6-9; Smithson and Levy, сноска 118 выше, р. 36.

¹²⁷ См. R.A. Falkenrath, "Confronting nuclear, biological, and chemical terrorism", Survival, vol. 40, No. 3, Autumn 1998, pp. 43-65.

¹²⁸ См. Spiers, сноска 117 выше, р. 258. См. также Smithson and Levy, сноска 118 выше, р. 34, где указывается, что для умерщвления 500 человек потребовалось бы распылить в открытом воздухе 220 фунтов зарина, а для умерщвления 10 000 человек - 2 200 фунтов.

¹²⁹ Ibid., p. 279. См. также Claridge, сноска 118 выше, 139 ff.

- ¹³⁰ Анализ опыта применения химического и биологического оружия сектой Аум Синрикё см. D.E. Kaplan, "Aum Shinrikyo", Tucker, сноска 120 выше, pp. 207-226, Smithson and Levy, сноска 118 выше, p. 71-111; D.E. Kaplan, A. Marshall, Cult at the End of the World, New York, Crown Publishers, 1996. См. также R.J. Lifton, Destroying the World to Save It: Aum Shinrikyo, Apocalyptic Violence and the New Global Terrorism, New York, Metropolitan Books, 1999.
- ¹³¹ Kaplan, сноска 130 выше, pp. 209-210; Stern, сноска 117 выше, p. 65.
- ¹³² Smithson and Levy, сноска 118 выше, p. 281.
- ¹³³ Имеется много источников, в числе которых см. специальный выпуск Journal of the American Medical Association, 6 August 1997; Организация Объединенных Наций, "Химическое и бактериологическое (биологическое) оружие и последствия его возможного применения", публикация Организации Объединенных Наций, в продаже под номером E.69.1.24, Нью-Йорк, 1969 год; Всемирная организация здравоохранения, Health Aspects of Chemical and Biological Weapons, Женева, 1970 год.
- ¹³⁴ Вышеупомянутой Австралийской группой предпринимаются попытки ввести меры контроля над экспортом. См. Smithson and Levy, сноска 118 выше, p. 40. См. также Claridge, сноска 118 выше, pp. 139-140.
- ¹³⁵ Smithson and Levy, сноска 118 выше, pp. 45-50; Laqueur, сноска 44 выше, p. 55.
- ¹³⁶ См., например, D.A. Henderson, "Bioterrorism as a public health threat", Emerging Infectious Diseases, vol. 4, No. 3, Jul-Sept 1998, pp. 488-492, и Journal of the American Medical Association, сноска 133 выше, passim.
- ¹³⁷ Smithson and Levy, сноска 118 выше, pp. 51-56; Tucker, сноска 120 выше, pp. 6-9.
- ¹³⁸ Falkenrath, сноска 127 выше, p. 47; Stern, сноска 117 выше, p. 68.
- ¹³⁹ Laqueur, сноска 44 выше, p. 67.
- ¹⁴⁰ Stern, сноска 117 выше, p. 60, упоминает о том, что по состоянию на 1997 год, согласно утверждению генерала Александра Лебеда, не удастся проследить местонахождение 84 из 132 компактных бомб чемоданного размера мощностью по две килотонны. См. также в целом, G. Cameron, Nuclear Terrorism: A Threat Assessment for the 21st Century, London, Macmillan Press Ltd., 1999.

¹⁴¹ См., например, G.T. Allison and others, Avoiding Nuclear Anarchy: Containing the Threat of Loose Russian Nuclear Weapons and Fissile Material, Cambridge, Massachusetts, MIT Press, 1996, и Stern, сноска 117 выше, pp. 87-106.

¹⁴² Ibid., pp. 57-60, 97; по определению, в обогащенном оружейном уране содержание U-235 должно превышать 90%, а в оружейном плутонии содержание PU-240 составляет менее 7%. См. также Cameron, сноска 140 выше, pp. 131-132.

¹⁴³ Stern, сноска 117 выше, p. 98, пишет следующее: "ни в одном из известных случаев не имелось в наличии материалов в количестве, достаточном для изготовления бомбы". В Allison and Stern, сноска 141 выше, p. 10, указывается, что "сообщалось без преувеличения о сотнях соответствующих инцидентах, однако подавляющее большинство известных случаев такого рода оказывались вымышленными или же не были сопряжены с применением оружейных материалов".

¹⁴⁴ Ibid., p. 13: "Некоторые эксперты, однако, задаются вопросом, существует ли спрос на похищенные или приобретенные незаконным образом расщепляющиеся материалы или ядерное оружие. На сегодняшний день имеется не так уж много веских доказательств, подтверждающих факт наличия такого специфического спроса на ядерное оружие".

¹⁴⁵ Stern, сноска 117 выше, p. 59.

¹⁴⁶ Ibid., pp. 54-57, 67; Falkenrath, сноска 127 выше, p. 62. Наиболее известный случай радиологического терроризма произошел 23 ноября 1995 года, когда по приказу лидера чеченских повстанцев Шамиля Басаева в Измайловском парке в Москве был зарыт контейнер, содержащий 32 кг радиоактивного цезия, причем это сопровождалось угрозами не ограничиться данным единичным шагом; см. Stern, сноска 117 выше, p. 67, и Cameron, сноска 140 выше, pp. 143-144.

¹⁴⁷ Ibid., pp. 133-135, Stern, сноска 117 выше p. 100, Laqueur, сноска 44 выше, 72.

¹⁴⁸ См., например, Smithson and Levy, сноска 118 выше, pp. 11-13; и Sprinzak, сноска 118 выше, passim. См. также сноску 117 выше.

¹⁴⁹ Stern, сноска 117 выше, p. 88.

¹⁵⁰ В.М. Jenkins, "Will terrorists go nuclear? A reappraisal", in H.W. Kushner, ed., The Future of Terrorism: Violence in the New Millennium, London, SAGE Publications, 1998, p. 230.

¹⁵¹ См., например, J.D. Simon, Terrorists and the Potential Use of Biological Weapons: A Discussion of Possibilities, U.S. Armed Forces Medical Intelligence Center, RAND Corporation, Santa Monica, California, 1989, pp. 11-12.

¹⁵² См., в целом, Stern, сноска 117 выше; Laqueur, сноска 44 выше; and Hoffman, сноска 117 выше.

¹⁵³ Ibid., passim; E.M. Spiers, Weapons of Mass Destruction: Prospects for Proliferation, New York, St. Martin's Press, 2000, pp. 81-82; Simon, сноска 151 выше, p. v; Tucker, сноска 120 выше, p. 10; Laqueur, сноска 44 выше, passim; Cameron, сноска 140 выше, passim.

¹⁵⁴ Smithson and Levy, сноска 118 выше, p. 64.

¹⁵⁵ Ibid., pp. 57-69.

¹⁵⁶ См. Sprinzak, сноска 118 выше, p. 116; Tucher, сноска 120 выше, p. 254.

¹⁵⁷ См. Wardlaw, сноска 71 выше, p. 197, и см., например, заявление президента Клинтона о введении в стране чрезвычайных мер, направленных против распространения ОМУ, которое содержится в президентской директиве 39: "Соединенные Штаты должны уделять первоочередное внимание созданию действенного потенциала выявления, предупреждения, преодоления и ликвидации последствий применения террористами ядерных, биологических или химических материалов или оружия", цитируется по J.M. Graham, "Introduction", pp. 9-20, in D.W. Siegrist and J.M. Graham, eds., Countering Biological Terrorism in the US: An Understanding of Issues and Status, Arlington, VA, Oceana Publications Inc., 1999, p. 10. См. также The White House, Office of the Press Secretary, 22 January 1999, "Remarks by the President on keeping America secure for the 21st century", где содержится заявление президента Клинтона о новых инициативах, направленных на решение проблемы терроризма и на борьбу с новыми средствами и методами террористической деятельности, а также "Press briefing by Attorney-General Janet Reno, Secretary of HHS Donna Shalala, and Richard Clarke, President's National Coordinator for Security Infrastructure and Counterterrorism", где говорилось о расширении предпринимаемых администрацией Соединенных Штатов усилий по борьбе со складывающимися факторами угрозы в виде биологического, химического и

компьютерного терроризма. См., далее, В. Kellman "Review essay: clashing perspectives on terrorism", in The American Journal of International Law, vol. 94 (2000), pp. 434-438.

¹⁵⁸ См., прежде всего, J. Arquilla, D. Ronfeldt, и M. Zanini, "Networks, netwar, and information-age terrorism", pp. 39-84 in Countering the New Terrorism, RAND Corporation, Santa Monica, 1999; J. Arquilla and D. Ronfeldt The Advent of Netwar, RAND Corporation, Santa Monica, 1996; и J. Arquilla, D. Ronfeldt, eds., In Athena's Camp: Preparing for Conflict in the Information Age, RAND Corporation, Santa Monica, 1997. См также R.E. Stephens, "Cyber-biotech terrorism; going high tech in the 21st century", in Kushner, сноска 150 выше, pp. 195-207; и K.R. Damphousse and B.L. Smith, "The Internet: a terrorist medium for the 21st century", in Kushner, сноска 150 выше, pp. 208-224.

¹⁵⁹ См. D.E. Denning, "Activism, hacktivism, and cyberterrorism: the Internet as a tool for influencing foreign policy", документ, помещенный в сеть Интернет, а также International Systems: Information Technology and American Foreign Policy Decisionmaking Workshop, 1999, который можно получить по адресу <http://www.nautilus.org/info-policy/workshop/papers/denning.html>; и M.M. Pollitt, Cyberterrorism-Fact or Fancy?, Proceedings of the 20th National Information Systems Security Conference, October 1997, pp. 285-289.

¹⁶⁰ См., например, Denning, сноска 159 выше, без указания страниц.

¹⁶¹ В своем предварительном докладе Специальный докладчик подходит к рассмотрению последствий терроризма для прав человека в рамках трех концептуальных категорий: i) право на жизнь, свободу и достоинство личности; ii) вопросы, касающиеся права на создание демократического общества; и iii) права, имеющие отношение к поддержанию социального мира и общественного правопорядка.

¹⁶² См., например, предварительный доклад, представленный Специальным докладчиком по вопросу о насилии в отношении женщин, его причинах и последствиях г-жой Радхикой Кумарасвами (E/CN.4/1995/42, в особенности пункты 99-101), и обновленный доклад к заключительному докладу, представленному Специальным докладчиком по вопросу о систематических изнасилованиях, сексуальном рабстве и сходной с рабством практике в период вооруженных конфликтов г-жой Гей Дж. Макдугалл (E/CN.4/Sub.2/2000/21, пункт 20).

¹⁶³ См., например, резолюцию 2000/45 Комиссии от 20 апреля 2000 года, пункты 3 и 4, где утверждается, что насилие в отношении женщин, будь то в общественной или частной жизни, является нарушением прав и основных свобод женщин.

¹⁶⁴ См., например, резолюцию 2000/30 Комиссии, пункт 17 преамбулы, где Комиссия: "вновь заявляя о том, что государства обязаны поощрять и защищать права человека и основные свободы..." и пункт 5: "настоятельно призывает государства выполнять свои обязательства по Уставу Организации Объединенных Наций и другим международно-правовым положениям в строгом соответствии с международным правом, в том числе с международными стандартами в области прав человека, в целях предупреждения, пресечения и искоренения актов терроризма во всех его формах и проявлениях...".

¹⁶⁵ Вопрос о необходимости рассмотрения первопричин терроризма поднимался также в Комиссии и Подкомиссии как правительствами, так и неправительственными организациями.

¹⁶⁶ Что касается ответственности государства в том случае, если государство не в состоянии обеспечить защиту иностранца или если им не предпринимаются соответствующие меры по преследованию и наказанию лиц, ответственных за совершение определенных террористических актов, см., например, J.J. Paust, "The Link Between Human Rights and Terrorism and Its Implications for the Law of State Responsibility", Hastings International and Comparative Law Review, vol. 11, No. 1 (1987), pp. 53-54.

¹⁶⁷ См. резолюцию 2000/30 Комиссии, пункт 20 преамбулы и пункты 5 и 6, а также резолюцию 2001/37 Комиссии, пункт 22 преамбулы и пункты 5 и 6.

¹⁶⁸ См., например, M. Gerber, "The Anti-Terrorism Act of 1987: sabotaging the United Nations and holding the Constitution hostage", New York University Law Review, vol. 65 (1990), at pp. 364-402; Coordinadora Nacional de Derechos Humanos, Grupo de Trabajo Jurídico, En nombre de los inocentes: la legislación sobre terrorismo y traición a la patria: propuesta de modificación, Lima, 1993; J. Robert, "Terrorisme, idéologie sécuritaire et libertés publiques", Revue de droit public et de la science politique en France et a l'etranger, vol. 6 (1986), pp. 1651-1666.

¹⁶⁹ См., в первую очередь, A/55/179 от 26 июля 2000 года и A/55/179/Add.1 от 9 октября 2000 года.

¹⁷⁰ Специальный докладчик отмечает, что в определенных ситуациях лица, обвиняемые в совершении террористических актов, наделяются менее широкими процессуальными правами по сравнению с лицами, обвиняемыми в совершении военных преступлений или преступлений против человечества.

¹⁷¹ А/55/179, пункт 44.

¹⁷² Там же, пункт 45. Как указывается несколькими государствами, терроризм не квалифицируется в качестве отдельного уголовного преступления; обвинения же виновным предъявляются в рамках общих уголовно-правовых положений за совершение фактического преступного деяния. Однако установление факта совершения террористического акта может привести к существенному изменению ряда других положений, применяемых в системе уголовного судопроизводства.

¹⁷³ Важно также указать, что все такие виды практики и политики отнюдь не способствуют устранению факторов, из которых они проистекают, причем подобное положение подчас сохраняется десятилетиями.

¹⁷⁴ Помимо резолюций по вопросу о правах человека и терроризме, принятых Комиссией, большое внимание проблеме безнаказанности уделяется в ходе общих прений, о чем свидетельствует целый ряд заявлений по данной теме, с которыми выступают представители как правительств, так и НПО.

¹⁷⁵ "Вопрос о безнаказанности лиц, виновных в нарушениях гражданских и политических прав человека", окончательный доклад, представленный г-ном Луи Жуане (E/CN.4/Sub.2/1997/20), и "Вопрос о безнаказанности лиц, виновных в нарушениях экономических, социальных и культурных прав человека", окончательный доклад, представленный г-ном Эль-Хаджи Гиссе (E/CN.4/Sub.2/1997/8). В докладе г-на Жуане приводится свод принципов по борьбе с безнаказанностью, имеющий весьма актуальное значение в связи с рассматриваемым вопросом.

¹⁷⁶ См. главу II, разделы В.3 и С выше. Материалы об интересных прениях по вопросу об иммунитете государства в свете решения британской палаты лордов по делу против генерала Пиночета см. в J.M. Sears, "Confronting the 'culture of impunity': immunity of heads of State from Nuremberg to *ex parte Pinochet*", in the German Yearbook of International Law, vol. 42 (1999), pp. 125-146.

¹⁷⁷ Однако Специальный докладчик должна подчеркнуть, что ищущее убежище лицо, в вину которому вменяется совершение террористического акта, имеет право опровергнуть такое обвинение.